

Сэй-сенагон

Записки у изголовья

Аннотация

«Записки у изголовья» – легендарный шедевр старинной японской прозы, представляющий своего рода интимный дневник – собрание наблюдений о нравах и обычаях императорского двора, размышления об искусстве, природе и пр. Автор «Записок» – придворная фрейлина Сей-Сенагон (966 – ?). Восчувствование природы несказанного, глубокий психологизм, тонкий лукавый юмор – таковы основные особенности ее стиля, снискавшие Сей-Сенагон славу еще при жизни.

Содержание

ВЕСНОЮ – РАССВЕТ	7
НОВОГОДНИЕ ПРАЗДНЕСТВА	9
В ТРЕТИЙ ДЕНЬ ТРЕТЬЕЙ ЛУНЫ...	13
ГОСПОЖА КОШКА, СЛУЖИВШАЯ ПРИ ДВОРЕ...	14
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ГОДА И ТРЕТИЙ ДЕНЬ ТРЕТЬЕЙ ЛУНЫ...	19
ТО, ЧТО НАВОДИТ УНЫНИЕ	20
ТО, ЧТО ДОКУЧАЕТ	26
ТО, ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ СЕРДЦЕ СИЛЬНЕЕ БИТЬСЯ	31
ТО, ЧТО ДОРОГО КАК ВОСПОМИНАНИЕ	32
ТО, ЧТО РАДУЕТ СЕРДЦЕ	33
В СЕДЬМОМ МЕСЯЦЕ ГОДА СТОИТ НЕВЫНОСИМАЯ ЖАРА	35
ИЗ ВСЕХ СЕЗОННЫХ ПРАЗДНИКОВ...	39
ДЕРЕВЬЯ, ПРОСЛАВЛЕННЫЕ НЕ ЗА КРАСОТУ СВОИХ ЦВЕТОВ...	41
НАСЕКОМЫЕ	47
РЕБЕНОК ИГРАЛ С САМОДЕЛЬНЫМ ЛУКОМ...	49
ПОКИДАЯ НА РАССВЕТЕ ВОЗЛЮБЛЕННУЮ...	50
ТО, ЧТО РЕДКО ВСТРЕЧАЕТСЯ	54

ОДНАЖДЫ, КОГДА ИМПЕРАТРИЦА ИЗВОЛИЛА ВРЕМЕННО ПРЕБЫВАТЬ В СВОЕЙ КАНЦЕЛЯРИИ...	55
ТО, ЧТО НЕПРИЯТНО СЛУШАТЬ ЕГО СВЕЛОСТЬ ТЮНАГОН ТАКАИЭ ПОСЕТИЛ ОДНАЖДЫ ИМПЕРАТРИЦУ...	69 70
ОДНАЖДЫ ВО ВРЕМЯ ДОЛГИХ ДОЖДЕЙ...	71
МАСАХИРО – ОБЩАЯ МИШЕНЬ ДЛЯ НАСМЕШЕК	74
ТО, ЧТО КАЖЕТСЯ ОТВРАТИТЕЛЬНЫМ ТО, ЧТО УТРАТИЛО ЦЕНУ	79 80
ТО, ОТ ЧЕГО СТАНОВИТСЯ НЕЛОВКО ОДНАЖДЫ В ПОРУ ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ...	82 83
ОДНАЖДЫ НАКАНУНЕ СЕДЬМОГО ДНЯ...	84
ТО, В ЧЕМ ВИДНА НЕВОСПИТАННОСТЬ ТО, ЧТО ТОРОПИШЬСЯ УЗНАТЬ ПОСКОРЕЕ	85 86
ТО, ЧТО ВЫЗЫВАЕТ ТРЕВОЖНОЕ НЕТЕРПЕНИЕ	87
ТО, ЧТО НАПОМИНАЕТ ПРОШЛОЕ, НО УЖЕ НИ К ЧЕМУ НЕ ПРИГОДНО ТО, ЧТО ВНУШАЕТ ОПАСЕНИЯ	90 91
ТО, ЧТО ДАЛЕКО, ХОТЯ И БЛИЗКО ТО, ЧТО БЛИЗКО, ХОТЯ И ДАЛЕКО	92 93
«В КАКОМ-ТО МЕСТЕ ОДИН ЧЕЛОВЕК НЕ ИЗ ЧИСЛА МОЛОДЫХ АРИСТОКРАТОВ...» КАК ЭТО ПРЕКРАСНО, КОГДА СНЕГ НЕ	94 96

ЛЯЖЕТ ЗА НОЧЬ ВЫСОКИМИ БУГРАМИ...	
ВНУШИТЕЛЬНАЯ ОСОБА -МУЖ	98
КОРМИЛИЦЫ	
В ЗНОЙНЫЙ ЛЕТНИЙ ПОЛДЕНЬ...	100
ТО, ЧТО МОЖЕТ СРАЗУ УРОНИТЬ В	101
ОБЩЕМ МНЕНИИ	
ВЕТЕР	103
ВЕТЕР ВОСЬМОЙ И ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ...	104
В КОНЦЕ ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ И В НАЧАЛЕ	105
ДЕСЯТОЙ...	
НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ТОГО, КАК	106
БУШЕВАЛ ОСЕННИЙ ВИХРЬ...	
ХОРОШО ПОЕХАТЬ В ГОРНОЕ СЕЛЕНЬЕ...	108
В НАЧАЛЕ ДВАДЦАТЫХ ЧИСЕЛ ДЕВЯТОЙ	109
ЛУНЫ...	
ОДНАЖДЫ ПО ДОРОГЕ В ХРАМ	110
КИЕМИДЗУ...	
КАК ХОРОШ СНЕГ...	111
СОЛНЦЕ	112
ЛУНА	113
ЗВЕЗДЫ	114
ОБЛАКА	115
ТЕ, КТО НАПУСКАЕТ НА СЕБЯ УЖ ОЧЕНЬ	116
УМНЫЙ ВИД	
ТО, ЧТО ПРОЛЕТАЕТ МИМО	118
ТО, ЧТО ЧЕЛОВЕК ОБЫЧНО НЕ ЗАМЕЧАЕТ	119
ТО, ЧТО СТРАШИТ ДО УЖАСА	120

ТО, ЧТО ВСЕЛЯЕТ УВЕРЕННОСТЬ	121
САМОЕ ПЕЧАЛЬНОЕ НА СВЕТЕ...	122
МУЖЧИНЫ, ЧТО НИ ГОВОРИ, СТРАННЫЕ СУЩЕСТВА	123
СОСТРАДАНИЕ – ВОТ САМОЕ ДРАГОЦЕННОЕ СВОЙСТВО...	125
ЕСЛИ КАКИЕ-НИБУДЬ ЧЕРТЫ В ЛИЦЕ ЧЕЛОВЕКА...	127
ТО, ЧТО РАДУЕТ	128
ОДНАЖДЫ, КОГДА ГОСУДАРЫНЯ БЕСЕДОВАЛА С ПРИДВОРНЫМИ ДАМАМИ...	131
ПОСЛЕСЛОВИЕ	135

Сэй-Сенагон

Записки у изголовья

ВЕСНОЮ – РАССВЕТ

Весною – рассвет.

Все белее края гор, вот они слегка озарились светом. Тронутые пурпуром облака тонкими лентами стелются по небу.

Летом – ночь. Слов нет, она прекрасна в лунную пору, но и безлунный мрак радует глаза, когда друг мимо друга носятся бесчисленные светлячки. Если один-два светляка тускло мерцают в темноте, все равно это восхитительно. Даже во время дождя – необыкновенно красиво.

Осенью – сумерки. Закатное солнце, бросая яркие лучи, близится к зубцам гор. Вороны, по три, по четыре, по две, спешат к своим гнездам, -какое грустное очарование! Но еще грустнее на душе, когда по небу вереницей тянутся дикие гуси, совсем маленькие с виду. Солнце зайдет, и все полно невыразимой печали: шум ветра, звон цикад...

Зимой – раннее утро. Свежий снег, нечего и говорить, прекрасен, белый-белый иней тоже, но чудесно

и морозное утро без снега. Торопливо зажигают огонь, вносят пылающие угли, – так и чувствуешь зиму! К полудню холод отпускает, и огонь в круглой жаровне гаснет под слоем пепла, вот что плохо!

НОВОГОДНИЕ ПРАЗДНЕСТВА

В первый день Нового года радостно синеет прояснившееся небо, легкая весенняя дымка преобразует все кругом.

Все люди до одного в праздничных одеждах, торжественно, с просветленным сердцем поздравляют своего государя, желают счастья друг другу, великолепное зрелище!

В седьмой день года собирают на проталинах побеги молодых трав. Как густо они всходят, как свежо и ярко зеленеют даже там, где их обычно не увидишь, внутри дворцовой ограды!

В этот день знатные дамы столицы приезжают во дворец в нарядно украшенных экипажах поглядеть на шествие «Белых коней». Вот один из экипажей вкатили через Срединные ворота. Повозку подбросило на дороге. Женщины стучаются головами. Гребни из волос падают, ломаются. Слышен веселый смех. Помню, как я первый раз поехала посмотреть на шествие «Белых коней». За воротами возле караульни Левого гвардии толпились придворные. Они взяли луки у телохранителей, сопровождающих процессию, и стали пугать коней звоном тетивы. Из своего экипажа я могла разглядеть лишь решетчатую ограду вдали, перед дворцом.

Мимо нее то и дело сновали служанки и камеристки. «Что за счастливицы! – думала я. – Как свободно они ходят здесь, в высочайшей обители за девятью воротами. Для них это привычное дело!» Но на поверку дворы там тесные. Телохранители из церемониальной свиты прошли так близко от меня, что были видны даже пятна на их лицах. Белила наложены неровно, как будто местами стоял снег и проступила темная земля... Лошади вели себя беспокойно, взвивались на дыбы. Поневоле я спряталась от страха в глубине экипажа и уже ничего больше не увидела. На восьмой день Нового года царит большое оживление. Слышен громкий стук экипажей: дамы торопятся выразить свою благодарность государю. Пятнадцатый день – праздник, когда, по обычаю, государю преподносят «Яство полнолуния».

В знатных домах все прислужницы – и старшие, почтенные дамы, и молодые, – пряча за спиной мешалку для праздничного яства, стараются хлопнуть друг друга, посматривая через плечо, как бы самой не попало. Вид у них самый потешный! Вдруг хлоп! Кто-то не уберется, всеобщее веселье! Но ротозейка, понятное дело, досадует.

Молодой зять, лишь недавно начавший посещать свою жену в доме ее родителей, собирается утром пятнадцатого дня отбыть во дворец. Эту минуту и караулят женщины. Одна из них притаилась в дальнем углу.

В любом доме найдется такая, что повсюду суется первой. Но другие, оглядываясь на нее, начинают хихикать.

– Т-с, тихо! – машет она на них рукой. И только юная госпожа, словно бы ничего не замечая, остается невозмутимой.

– Ах, мне надо взять вот это! – выскакивает из засады женщина, словно бы невзначай подбегает к юной госпоже хлопает ее мешалкой по спине и мгновенно исчезает. Все дружно заливаются смехом.

Господин зять тоже добродушно улыбается, он не в обиде, а молодая госпожа даже не вздрогнула, и лишь лицо ее слегка розовеет, это прелестно! Случается, женщины бьют мешалкой не только друг друга, но и мужчину стукнут. Иная заплачет и в гневе начнет запальчиво укорять и бранить обидчицу:

– Это она, верно, со зла...

Даже во дворце государя царит веселая суматоха и строгий этикет нарушен. Забавная сумятица происходит и в те дни, когда ждут новых назначений по службе.

Пусть валит снег, пусть дороги окованы льдом, все равно в императорский дворец стекается толпа чиновников четвертого и пятого ранга с прошениями в руках. Молодые смотрят весело, они полны самых светлых надежд. Старики, убеленные сединами, в поисках покровительства бредут к покоям придворных дам и с жаром выхваляют собственную мудрость и прочие

свои достоинства. Откуда им знать, что юные насмешницы после безжалостно передразнивают и вышучивают их?

– Пожалуйста, замолвите за меня словечко государю. И государыне тоже, умоляю вас! – просят они.

Хорошо еще, если надежды их сбудутся, но как не пожалеть того, кто потерпел неудачу!

В ТРЕТИЙ ДЕНЬ ТРЕТЬЕЙ ЛУНЫ...

В третий день третьей луны солнце светло и спокойно сияет в ясном небе. Начинают раскрываться цветы на персиковых деревьях. Ивы в эту пору невыразимо хороши. Почки на них словно тугие коконы шелкопряда. Но распустятся листья – и конец очарованию. До чего же прекрасна длинная ветка цветущей вишни в большой вазе. А возле этой цветущей ветки сидит, беседуя с дамами, знатный гость, быть может, старший брат самой императрицы, в кафтане «цвета вишни» поверх других многоцветных одежд... Чудесная картина!

ГОСПОЖА КОШКА, СЛУЖИВШАЯ ПРИ ДВОРЕ...

Госпожа кошка, служившая при дворе, была удостоена шапки чиновников пятого ранга, и ее почтительно титуловали госпожой мебу. Она была прелестна, и государыня велела особенно ее беречь.

Однажды, когда госпожа мебу разлеглась на веранде, приставленная к ней мамка по имени Ума-но мебу прикрикнула на нее:

– Ах ты негодница! Сейчас же домой! Но кошка продолжала дремать на солнышке.

Мамка решила ее припугнуть:

– Окинамаро, где ты? Укуси мебу-но омото! Глупый пес набросился на кошку, а она в смертельном страхе кинулась в покои императора. Государь в это время находился в зале утренней трапезы. Он был немало удивлен и спрятал кошку у себя за пазухой.

– Побить Окинамаро! Сослать его на Собачий остров сей же час! -повелел император.

Собрались слуги и с шумом погнались за собакой. Не избежала кары и Ума-но мебу.

– Отставить мамку от должности, она нерадива, – приказал император. Ума-но мебу больше не смела появляться перед высочайшими очами. Стражники про-

гнали бедного пса за ворота. Увы, давно ли сам То-но бэн вел его, когда в третий день третьей луны он горделиво шествовал в процессии, увенчанный гирляндой из веток ивы. Цветы персика вместо драгоценных шпилек, на спине ветка цветущей вишни, вот как он был украшен. Кто бы мог тогда подумать, что ему грозит такая злосчастная судьба.

– Во время утренней трапезы, – вздыхали дамы, – он всегда был возле государыни. Как теперь его не хватает!

Через три-четыре дня услышали мы в полдень жалобный вой собаки.

– Что за собака воет без умолку? – спросили мы. Псы со всего двора стаяей помчались на шум. Скоро к ним прибежала служанка из тех, что убирают нечистоты:

– Ах, какой ужас! Двое мужчин насмерть избивают бедного пса. Говорят, он был сослан на Собачий остров и вернулся, вот его и наказывают за ослушание. Сердце у нас защемило: значит, это Окинамаро!

– Его бьют куроудо Тадатака и Санэфуса, – добавила служанка. Только я послала гонца с просьбой прекратить побои, как вдруг жалобный вой затих.

Посланный вернулся с известием:

– Издох. Труп выбросили за ворота.

Все мы очень опечалились, но вечером к нам подполз, дрожа всем телом, какой– то безобразно распухший пес, самого жалкого вида.

– Верно, это Окинамаро? Такой собаки мы здесь не видели, – заговорили дамы.

– Окинамаро! – позвали его, но он словно бы не понял. Мы заспорили. Одни говорили: «Это он!», другие: «Нет, что вы!»

Государыня повелела:

– Укон хорошо его знает. Кликните ее. Пришла старшая фрейлина Укон. Государыня спросила:

– Неужели это Окинамаро?

– Пожалуй, похож на него, но уж очень страшен на вид, – ответила госпожа Укон. – Бывало, только я кликну «Окинамаро!», он радостно бежит ко мне, а этого сколько ни зови, не идет. Нет, это не он! Притом ведь я слышала, что бедного Окинамаро забили насмерть. Как мог он остаться в живых, ведь его нещадно избивали двое мужчин!

Императрица была огорчена. Настали сумерки, собаку пробовали накормить, но она ничего не ела, и мы окончательно решили, что это какой-то приبلудный пес. На другое утро я поднесла императрице гребень для прически и воду для омовения рук. Государыня велела мне держать перед ней зеркало. Прислуживая государыне, я вдруг увидела что под лестницей лежит собака.

– Увы! Вчера так жестоко избивали Окинамаро. Он, наверно, издох. В каком образе возродится он теперь? Грустно думать, – вздохнула я. При этих словах пес за-

дрожал мелкой дрожью, слезы у него так и потекли – побежали.

Значит, это все-таки был Окинамаро! Вчера он не посмел отозваться. Мы были удивлены и тронуты.

Положив зеркало, я воскликнула:

– Окинамаро!

Собака подползла ко мне и громко залаяла. Государыня улыбнулась. Она призвала к себе госпожу Укон и все рассказала ей. Поднялся шум и смех. Сам государь пожаловал к нам, узнав о том, что случилось.

– Невероятно! У бессмысленного пса – и вдруг такие глубокие чувства, – шутливо заметил он.

Дамы из свиты императора тоже толпой явились к нам и стали звать Окинамаро по имени. На этот раз он поднялся с земли и пошел на зов.

– Смотрите, у него все еще опухшая морда, надо бы сделать примочку, – предложила я.

– Ага, в конце концов пришлось ему выдать себя! – смеялись дамы. Тадатака услышал это и крикнул из Столового зала:

– Неужели это правда? Дайте, сам погляжу. Я послала служанку, чтобы сказать ему:

– Какие глупости! Разумеется, это другая собака.

– Говорите себе, что хотите, а я разыщу этого подлого пса. Не спрячете от меня, – пригрозил Тадатака.

Вскоре Окинамаро был прощен государем и занял свое прежнее место во дворце. Но и теперь я с невы-

разимым волнением вспоминаю как он стонал и плакал, когда его пожалели.

Так плачет человек, услышав слова сердечного сочувствия. А ведь это была простая собака... Разве не удивительно?

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ГОДА И ТРЕТИЙ ДЕНЬ ТРЕТЬЕЙ ЛУНЫ...

Первый день года и третий день третьей луны особенно радуют в ясную погоду. Пускай хмурится пятый день пятой луны. Но в седьмой день седьмой луны туманы должны к вечеру рассеяться.

Пусть в эту ночь месяц светит полным блеском, а звезды сияют так ярко, что, кажется, видишь их живые лики.

Если в девятый день девятой луны к утру пойдет легкий дождь, хлопья ваты на хризантемах пропитаются благоуханной влагой, и аромат цветов станет от этого еще сильнее.

А до чего хорошо, когда рано на рассвете дождь кончится, но небо все еще подернуто облаками, кажется, вот-вот снова посыплется капли!

ТО, ЧТО НАВОДИТ УНЫНИЕ

Собака, которая воеет посреди белого дня.

Верша для ловли рыб, уже ненужная весной. Зимняя одежда цвета алой сливы в пору третьей или четвертой луны. Погонщик, у которого издох бык.

Комната для родов, где умер ребенок. Жаровня или очаг без огня.

Ученый высшего звания, у которого рождаются только дочери. Остановишься в чужом доме, чтобы «изменить направление пути», грозящее бедой, а хозяин как раз в отсутствии. Особенно это грустно в День встречи весны.

Досадно, если к письму, присланному из провинции, не приложен гостинец. Казалось бы, в этом случае не должно радовать и письмо из столицы, но зато оно всегда богато новостями. Узнаешь из него, что творится в большом свете. С особым старанием напишешь кому-нибудь письмо. Пора бы уже получить ответ, но посланный тобой слуга подозрительно запаздывает. Ждешь долго-долго и вдруг твое письмо, красиво завязанное узлом или скрученное на концах, возвращается к тебе назад, но в каком виде! Испачкано, смято, черта туши, для сохранности тайны проведенная сверху, бесследно стерта. Слуга отдает письмо со словами:

«Дома не изволят быть», или: «Нынче, сказали, соблюдают День удаления, письма принять не могут».

Какая досада! Или вот еще. Посылаешь экипаж за кем-нибудь, кто непременно обещал приехать к тебе. Ждешь с нетерпением. Слышится стук подъезжающей повозки. Кто-то кричит: «Вот наконец пожаловали!»

Спешишь к воротам. Но экипаж тащат в сарай, оглобли со стуком падают на землю.

Спрашиваешь:

– В чем дело?

– А дома не случилось. Говорят, изволили куда-то отбыть, – отвечает погонщик и уводит в стойло распряженного быка.

Или вот еще. Зять, принятый в семью, перестает навещать свою жену. Большое огорчение! Какая-то важная особа сосватала ему дочку одного придворного. Совестно перед людьми, а делать нечего!

Кормилица отпросилась «на часочек». Утешаешь ребенка, забавляешь. Пошлешь к кормилице приказ немедленно возвращаться... И вдруг от нее ответ: «Нынче вечером не ждите». Тут не просто в уныние придешь, этому имени нет, гнев берет, до чего возмутительно!

Как же сильно должен страдать мужчина, который напрасно ждет свою возлюбленную!

Или еще пример. Ожидаешь всю ночь. Уже брезжит рассвет, как вдруг -тихий стук в ворота. Сердце твое за-

билось сильнее, посылаешь людей к воротам узнать, кто пожаловал.

Но называет свое имя не тот, кого ждешь, а другой человек, совершенно тебе безразличный. Нечего и говорить, какая тоска сжимает тогда сердце! Заклинатель обещал изгнать злого духа. Он велит принести четки и начинает читать заклинания тонким голосом, словно цикада верещит. Время идет, а незаметно, чтобы злой дух покинул больного или чтобы добрый демон-защитник явил себя. Вокруг собрались и молятся родные больного. Всех их начинают одолевать сомнения.

Заклинатель из сил выбился, уже битый час он читает молитвы.

– Небесный защитник не явился. Вставай! – приказывает он своему помощнику и забирает у него четки.

– Все труды пропали! – бормочет он, ероша волосы со лба на затылок, и ложится отдохнуть немного.

– Любит же он поспать! – возмущаются люди и без всякой жалости трясут его, будят, стараются из него хоть слово выжать.

Печальное зрелище! Или вот еще.

Дом человека, который не получил должности в дни, когда назначаются правители провинций.

Прошел слух, что уж на этот раз его не обойдут. Из разных глухих мест к нему съезжаются люди, когда-то служившие у него под началом, с виду сущие деревен-

щины. Все они полны надежд.

То и дело видишь во дворе оглобли подъезжающих и отъезжающих повозок. Каждый хочет сопровождать своего покровителя, когда он посещает храмы. Едят, пьют, галдят наперебой.

Время раздачи должностей подходит к концу. Уже занялась заря последнего дня, а еще ни один вестник не постучал в ворота.

– Право, это странно! – удивляются гости, поминутно настораживая уши. Но вот слышатся крики передовых скороходов: советники государя покидают дворец.

Слуги с вечера зябли возле дворца в ожидании вестей, теперь они возвращаются назад с похоронными лицами.

Люди в доме даже не решаются их расспрашивать. И только приезжие провинциалы любопытствуют:

– Какую должность получил наш господин? Им неохотно отвечают:

– Он по-прежнему экс-губернатор такой-то провинции. Все надежды рухнули, какое горькое разочарование! На следующее утро гости, битком набившие дом, потихоньку отбывают один за другим. Но иные составились на службе у хозяина дома и не могут так легко его покинуть, они бродят из угла в угол, загибая пальцы на руках. Подсчитывают, какие провинции окажутся вакантными в будущем году.

Унылая картина! Вы послали кому-то стихотворе-

ние. Вам оно кажется хорошим, но увы! Не получаете «ответной песни». Грустно и обидно. Если это было любовное послание, что же, не всегда можно на него отозваться. Но как не написать в ответ хоть несколько ничего не значащих любезных слов... Чего же стоит такой человек?

Или вот еще. В оживленный дом ревнителя моды приносят стихотворение в старом вкусе, без особых красот, сочиненное в минуту скуки стариком, безнадежно отставшим от века.

Тебе нужен красивый веер к празднику. Заказываешь его прославленному художнику. Наступает день торжества, веер доставлен... и на нем – кто бы мог ожидать! – намалеван безобразный рисунок.

Посланный приносит подарок по случаю рождения ребенка или отъезда в дальний путь, но ничего не получает в награду.

Неприменно нужно вознаградить слугу, хотя бы он принес пустячок: целебный шар кусудама или колоду счастья. Посланный от души рад, он не рассчитывал на щедрую мзду.

Иной раз слуга не сомневается, что его ждет богатая награда. Сердце у него так и прыгает. Но надежды его обмануты, и он возвращается назад мрачнее тучи.

В семью приняли молодого зятя, но прошло четыре-пять лет, и еще ни разу в доме не поднимали суматоху, спеша приготовить покои для родов. Какой пе-

Чальный дом! У престарелых супругов много взрослых сыновей и дочерей, пора бы, кажется, и внучатам ползать по полу и делать первые шаги. Старики прилегли отдохнуть в одиночестве. На них вчуже глядеть грустно. Что же должны чувствовать их собственные дети!

Вечером в канун Нового года весь дом в хлопотах. Лишь кто-то один лениво встает с постели после дневного отдыха и плещется в горячей воде. Сил нет, как это раздражает!

А еще наводят уныние: долгие дожди в последний месяц года; один день невоздержания в конце длительного поста.

ТО, ЧТО ДОКУЧАЕТ

Гость, который без конца разглагольствует, когда тебе некогда. Если с ним можно не считаться, спровадишь его без долгих церемоний: «После, после»... Но какая же берет досада, если гость— человек значительный и прервать его неловко.

Растираешь палочку туши и вдруг видишь: к тушечнице прилип волосок. Или в тушь попал камушек и царапает слух пронзительным «скрип-скрип». Кто-то внезапно заболел. Посылаешь слугу с наказом скорей привести заклинателя, а того, как нарочно, дома нет. Ищут повсюду. Ждешь, не находя себе места. Как долго тянется время! Наконец — о радость! — явился. Но он, должно быть, лишь недавно усмирял демонов. Садится усталый и начинает сонным голосом бормотать заклинания себе под нос. Большая досада! Человек, не блещущий умом, болтает обо всем на свете с глупой ухмылкой на лице.

А иной гость все время вертит руки над горячей жаровней, трет и разминает, поджаривая ладони на огне. Кто когда видел, чтобы молодые люди позволяли себе подобную вольность? И только какой-нибудь старик способен небрежно положить ногу на край жаровни, да еще и растирать ее во время разговора. Такой бесце-

ремонтный гость, явившись к вам с визитом, первым делом взмахами веера сметает во все стороны пыль с того места, куда намерен сесть. Он не держится спокойно, руки и ноги у него все время в движении, он управляет под колени переднюю полу своей «охотничьей одежды», вместо того чтобы раскинуть ее перед собой.

Вы думаете, что столь неблаговоспитанно ведут себя только люди низкого разбора, о ком и говорить-то не стоит? Ошибаетесь, и чиновные господа не лучше. К примеру, так вел себя третий секретарь императорской канцелярии. А иной упьется рисовой водкой и шумит вовсю. Обтирая неверной рукой рот и поглаживая бороденку, если она у него имеется, сует чарку соседу в руки, -до чего противное зрелище!

«Пей!» – орет он, подзадоривая других. Посмотришь, дрожит всем телом, голова качается, нижняя губа отвисла... А потом еще и затянет ребячью песенку:

В губернскую управу я пошел... И так ведут себя, случилось мне видеть, люди из самого хорошего круга. Скверно становится на душе!

Завидовать другим, жаловаться на свою участь, представлять с расспросами по любому пустяку, а если человек не пойдет на откровенность, из злобы очернить его; краем уха услышать любопытную новость и потом рассказывать направо и налево с таким видом, будто посвящен во все подробности, – как это мерзко! Ребенок раскричался как раз тогда, когда ты хочешь к че-

му-то прислушаться. Вороны собрались стаей и носятся взад-вперед с оглушительным карканьем. Собака увидела кого-то, кто потихоньку пробирался к тебе, и громко лает на него. Убить бы эту собаку!

Спрячешь с большим риском кого-нибудь там, где быть ему недозволено, а он уснул и храпит!

Или вот еще. Принимаешь тайком возлюбленного, а он явился в высокой шапке! Хотел пробраться незамеченным, и вдруг шапка за что-то зацепилась и громко шуршит. Мужчина рывком перебрасывает себе через голову висящую у входа плетеную штору – и она отчаянно шелестит. Если это тяжелая штора из бамбуковых палочек, то еще хуже! Нижний край ее упадет на пол с громким стуком. А ведь, кажется, нетрудное дело – поднять штору беззвучно. Зачем с силой толкать скользящую дверь? Ведь она сдвинется бесшумно, стоит только чуть-чуть ее приподнять. Даже легкие сидзи издадут громкий скрип, если их неумело толкать и дергать. До чего же неприятно! Тебя клонит в сон, ты легла и уже засыпаешь, как вдруг тонким-тонким голосом жалобно запеваает москит, он кружит над самым твоим лицом и даже, такой маленький, умудряется навевать ветерок своими крылышками. Изведет вконец. Скрипучая повозка невыносимо раздирает уши. Если едешь в чужом экипаже, то даже владелец его становится тебе противен.

Рассказываешь старинную повесть. Вдруг кто-то

подхватил нить твоего рассказа и продолжает сам. Несносный человек! И вообще несносен каждый, будь то взрослый или ребенок, кто прерывает тебя и вмешивается в разговор. К тебе случайно забежали дети. Приласкаешь их, подаришь какие-нибудь безделушки. И уж теперь от них отбою нет, то и дело врываются к тебе, хватают и разбрасывают все, что им попадет на глаза. В дом или во дворец, где ты служишь, явился неприятный для тебя посетитель. Прикинешься спящей, но не тут-то было! Твои служанки будят тебя, трясут и расталкивают с укоризненным видом: как, мол, не совестно быть такой соней! А ты себя не помнишь от досады.

Придворная дама служит без году неделя, а туда же: берет всех поучать с многоопытным видом и, непрощенная, навязывает свою помощь! Терпеть не могу таких особ!

Человек, близкий твоему сердцу, вдруг начинает хвалить до небес свою прежнюю возлюбленную. Не особенно это приятно, даже если речь идет о далеком прошлом. Но, предположим, он лишь недавно расстался с нею? Тут уж тебя заденет за живое. Правда, нет худа без добра: в этом случае легче судить, что к чему.

Гость чихнул и бормочет заклинание. Нехорошо! Только разве один хозяин дома может позволить себе такую вольность.

Блохи – препротивные существа. Скачут под пла-

тьем так, что, кажется, оно ходит ходуном.

Когда собаки где-то вдалеке хором поднимают протяжный вой, просто жуть берет, до чего неприятное чувство!

Кто-то открыл дверь и вышел, а закрыть за собой и не подумал. Какая доука!

ТО, ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ СЕРДЦЕ СИЛЬНЕЕ БИТЬСЯ

Как взволновано твое сердце, когда случается: Кормить воробьиных птенчиков.

Ехать в экипаже мимо играющих детей. Лежать одной в покоех, где курились чудесные благовония. Заметить, что драгоценное зеркало уже слегка потускнело. Слышать, как некий вельможа, остановив свой экипаж у твоих ворот, велит слугам что-то спросить у тебя.

Помыв волосы и набелившись, надеть платье, пропитанное ароматами. Даже если никто тебя не видит, чувствуешь себя счастливой. Ночью, когда ждешь своего возлюбленного, каждый легкий звук заставляет тебя вздрагивать: шелест дождя или шорох ветра.

ТО, ЧТО ДОРОГО КАК ВОСПОМИНАНИЕ

Засохшие листья мальвы. Игрушечная утварь для кукол.

Вдруг заметишь между страницами книги когда-то заложенные туда лоскутки сиреневого или пурпурного шелка.

В тоскливый день, когда льют дожди, неожиданно найдешь старое письмо от того, кто когда-то был тебе дорог.

Веер «летучая мышь» – память о прошлом лете.

ТО, ЧТО РАДУЕТ СЕРДЦЕ

Прекрасное изображение женщины на свитке в сопровождении многих искусно написанных слов.

На обратном пути с какого-нибудь зрелища края женских одежд выбиваются из— под занавесок, так переполнен экипаж. За ним следует большая свита, умелый погонщик гонит быка вовсю.

Сердце радуется, когда пишешь на белой и чистой бумаге из Митиноку такой тонкой-тонкой кистью, что, кажется, она и следов не оставит. Крученые мягкие нити прекрасного шелка.

Во время игры в кости много раз подряд выпадают счастливые очки. Гадатель, превосходно владеющий своим искусством, возглашает на берегу реки заклятия против злых чар.

Глоток воды посреди ночи, когда очнешься от сна. Томишься скукой, но вдруг приходит гость, в обычное время не слишком тебе близкий. Он сообщает последние светские новости, рассказывает о разных событиях, забавных, горестных или странных, о том, о другом... Во всем он осведомлен, в делах государственных или частных, обо всем говорит толково и ясно. На сердце у тебя становится весело.

Посетив какой-нибудь храм, закажешь там службу.

Бонза в храме или младший жрец в святилище против обыкновения читает молитвы отчетливо, звучным голосом. Приятно слушать.

В СЕДЬМОМ МЕСЯЦЕ ГОДА СТОИТ НЕВЫНОСИМАЯ ЖАРА

В седьмом месяце года стоит невыносимая жара. Всюду подняты створки ситоми, но даже ночью трудно уснуть.

Проснешься посреди ночи, когда в небе ослепительно сияет луна, и смотришь на нее, не вставая с ложа, — до чего хороша!

Но прекрасна и безлунная ночь. А предрассветный месяц? К чему здесь лишняя похвала!

Как приятно, когда свежая цветная циновка постелена на гладко отполированных досках пола, возле самой веранды. Церемониальный занавес неразумно помещать в глубине покоя, его место — возле приоткрытых ситоми, не то на душе становится тревожно.

Возлюбленный, верно, уже удалился. Дама дремлет с головой накрывшись светло-лиловой одеждой на темной подкладке. Верхний шелк уже, кажется, слегка поблек? Или это отливает гляncем густо окрашенная и не слишком мягкая парча? На даме нижнее платье из шелка цвета амбры или, может быть, палевого шелка-сырца, алые шаровары. Пояс еще не завязан, его концы свисают из-под платья. Пряди разметанных волос льются по полу волнами... С первого взгляда можно

понять, какие они длинные.

В предутреннем тумане мимо проходит мужчина, возвращаясь домой после любовной встречи. На нем шаро вары из переливчатого пурпурно-лилового шелка, сверху наброшена «охотничья одежда», такая прозрачная, словно бы и нет ее. Под легким светлым платьем сквозят алые нижние одежды. Блестящие шелка смочены росой и обвисли в беспорядке. Волосы на висках растрепаны, и он глубже надвинул на лоб свою шапку цвета вороного крыла. Вид у него несколько подгулявший. Возвращаясь от своей возлюбленной, он полон заботы. Надо написать ей письмо как можно скорее, «пока не скатились капли росы с утреннего вьюнка», думает он, напевая по дороге: «На молодых ростках конопли...» Но вдруг он видит, что верхняя створка ситоми приподнята. Он чуть отодвигает край шторы и заглядывает внутрь.

«Должно быть, с этого ложа только что встал возлюбленный... И, может быть, как я, он сейчас по дороге домой любуется блеском утренней росы...» Эта мысль кажется ему забавной. У изголовья женщины, замечает он, брошен широко раскрытый веер, бумага отливает пурпуром, планки из дерева магнолии. На полу возле занавеса рассыпаны в беспорядке сложенные в несколько раз листки бумаги Митиноку, светло-голубые или розовые. Дама замечает присутствие чужого, она выглядывает из-под наброшенной на голову одежды.

Мужчина, улыбаясь, смотрит на нее. Он не из тех, кого надо избегать, но дама не хочет встречи с ним. Ей неприятно, что он видел ее на ночном ложе.

– В долгой дреме после разлуки? – восклицает он, перегнувшись до половины через нижнюю створку ситыми.

– В досаде на того, кто ушел раньше, чем выпала роса, – отвечает дама.

Может быть, и не следовало писать о таких безделицах как о чем-то значительном, но разговор их, право, был очень мил. Мужчина придвигает своим веером веер дамы и нагибается, чтобы его поднять, но дама пугается, как бы он не приблизился к ней. С сильно бьющимся сердцем она поспешно прячется в глубине покая.

Мужчина поднимает веер и разглядывает его.– От вас веет холодом, –бросает он с легким оттенком досады.

Но день наступил, слышен людской говор, и солнце уже взошло. Только что он тревожился, успеет ли написать послание любимой, пока еще не рассеялся утренний туман, и вот уже совесть упрекает его за небрежение. Но тот, кто покинул на рассвете ложе этой дамы, не столь забывчив. Слуга уже принес от него письмо, привязанное к ветви хаги. На цветах еще дрожат капли росы. Но посланный не решается отдать письмо, ведь дама не одна. Бумага цвета амбры пропита-

на ароматом и сладко благоухает. Дольше медлить не-
ловко, и мужчина уходит, улыбаясь при мысли, что в
покоях его возлюбленной могло после разлуки с ним,
пожалуй, случиться то же самое.

ИЗ ВСЕХ СЕЗОННЫХ ПРАЗДНИКОВ...

Из всех сезонных праздников самый лучший – пятый день пятой луны. В воздухе плывут ароматы аира и чернобыльника.

Все кровли застланы аиром, начиная с высочайших чертогов и до скромных хижин простонародья. Каждый старается украсить свою кровлю как можно лучше. Изумительное зрелище! В какое другое время увидишь что-либо подобное? Небо в этот день обычно покрыто облаками. В покои императрицы принесли из службы шитья одежд целебные шары-кусудама, украшенные кистями из разноцветных нитей. Шары эти подвесили по обеим сторонам ложа в опочивальне. Там, еще с прошлогоднего праздника девятого дня девятой луны, висели хризантемы завернутые в простой шелк-сырец. Теперь их сняли и выбросили. Кусудама тоже, пожалуй, должны были бы оставаться несколько месяцев, до следующего праздника хризантем, но от них то и дело отрывают нити, чтобы перевязать какой-нибудь сверток. Так растреплют, что и следа не останется. В пятый день пятой луны ставят подносы с праздничными лакомствами. У молодых придворных дам прически украшены аиром, к волосам прикреплен листок с над-

письму «День удаления». Они привязывают многоцветными шнурами красивые ветки и длинные корневища аира к своим нарядным накидкам. Необыкновенно? Да нет, пожалуй, но очень красиво. Неужели хоть один человек скажет, что цветы вишни ему примелькались, потому что они распускаются каждый год? Юные служаночки, из тех, кто прогуливается пешком по улицам, прицепили к рукавам украшения и важничают, словно это невесть какое событие. Идет такая и все время любуется своими рукавами, поглядывая на других с победоносным видом: «Не скажешь, что у меня хуже!»

Проказливые мальчишки из придворной челяди подкрадутся и сорвут украшение. Крик, плач! Забавная картина!

Как это очаровательно, когда цветы ясенки завернуты в лиловую бумагу того же оттенка, а листья аира – в зеленую бумагу! Листья скатывают в тонкие трубки или перевязывают белую бумагу белыми корнями аира. А если в письмо вложены длинные корни аира, то это будит в душе чувство утонченно-прекрасного. Дамы взволнованно совещаются между собой, как лучше ответить, показывают друг другу сочиненные ими письма. Забавно глядеть на них. Если даме случилось послать ответное письмо дочери или супруге знатной особы, то она весь тот день находится в приятнейшем расположении духа. А когда вечером в сумерках вдруг где-то послышится песня соловья, какое очарование!

ДЕРЕВЬЯ, ПРОСЛАВЛЕННЫЕ НЕ ЗА КРАСОТУ СВОИХ ЦВЕТОВ...

Деревья, прославленные не за красоту своих цветов, – это клен, багрянник, пятилистная сосна.

Тасобанокп – «дерево на краю поля» – звучит незычно, но когда облетит цвет с деревьев и все они станут однообразно зелеными, вдруг неожиданно, совсем неко времени, выглянут из молодой листвы и ярко заблещут листья «деревя на краю поля». Чудо, как хорошо!

О бересклете-маюми умолчу. Он ничем не примечателен. Вот только жаль мне, что зовут его чужеядным растением.

Каким прекрасным выгядит дерево сакаки во время священных храмовых мистерий! В мире великое множество деревьев, но лишь одному сакаки дозволено с начала времен представлять перед лицом богов! При этой мысли оно кажется еще прекрасней.

Камфорное дерево не растет в гуще других деревьев, словно бы сторонится их в надменной отчужденности. При этой мысли становится жутко, в душе рождается чувство неприязни. Но ведь говорят о камфорном дереве и другое. Тысячами ветвей разбегается его густая крона, словно беспокойные мысли влюбленно-

го. Любопытно узнать, кто первый подсчитал число ветвей и придумал это сравнение.

Кипарис-хинокй тоже чуждается людских селений. Он так хорош, что из него строят дворцы, «где крыты кипарисом кровли крыш у трех иль четырех прекрасных павильонов». А в начале лета он словно перенимает у дождя его голос. В этом есть особая прелесть.

Туя-каэдэ невелика ростом. Концы листьев, когда они только-только распускаются, чуть отливают красным. И вот что удивительно! Листья у нее всегда повернуты в одну и ту же сторону, а цветы похожи на сухие скорлупки цикад.

Асунаро – это кипарис. Не видно его и не слышно о нем в нашем грешном мире, и только паломники, посетившие «Священную вершину», приносят с собой его ветви. Неприятно к ним прикоснуться, такие они шершавые. Зачем так называли это дерево – асунаро – «завтра будешь кипарисом»? Не пустое ли это обещание? Хотела бы спросить у кого-нибудь. Мне самой смешно мое ненасытное любопытство.

«Мышьи колобки» – такое дерево, само собой, должно быть ниже человеческого роста. Оно и само маленькое, и листья у него крохотные, очень забавный у него вид.

Ясенка. Горный померанец. Дикая яблоня. Дуб-сии – вечнозеленое дерево.

Как много деревьев сохраняет круглый год свою ли-

ству, но почему-то если нужен пример, то всегда называют лишь один дуб-сии. Дерево, которое зовут белым дубом, прячется всех дальше от людей, в самой глубине гор. Видишь разве только его листья в те дни, когда окрашивают церемониальные одежды для сановников второго и третьего ранга. И потому не скажешь о белом дубе, что он поражает своей красотой или великолепием. Но, говорят, он может обмануть глаз, такой белый-белый, словно и в летнее время утопает в снегу. И чувствуешь глубокое волнение, когда его ветка вдруг напомнит тебе старинное предание о том, как Сусаноо-но микото прибыл в страну Идзумо, или придет на память стихотворение Хитомаро.

Если ты услышал о каком-нибудь прекрасном, необыкновенном явлении года, то уже никогда не останешься к нему равнодушным, хотя бы речь зашла всего только о травах или деревьях, цветах или насекомых. У дерева юдзуриха пышная глянцевитая листва, черенки листьев темно-красные и блестящие, это странно, но красиво. В обычные дни это дерево в пренебрежении, но зато в канун Нового года ему выпадает честь: на листья юдзуриха кладут кушанья, которые подносят, грустно сказать, душам умерших, а на второй день Нового года, напротив того, кушанья, которые должны «укрепить зубы» для долгой жизни.

В чье правление, не знаю, была сложена песня. В ней любящий дает обещание: Я позабуду тебя

Не раньше, чем заалеют Листья юдзуриха.

Очень красив дуб-касиваги – с вырезными листьями. Это священное дерево: в нем обитает бог– хранитель листьев. Почему-то начальникам гвардии дают кличку «касиваги». Забавный обычай.

Веерная пальма не слишком хороша на вид, но она в китайском вкусе, и ее, пожалуй, не увидишь возле домов простолюдинов. Птицы Попугай – птица чужеземная, но очень мне нравится. Он повторяет все, что люди говорят.

Соловей. Пастушок. Бекас. «Птица столицы» – миякодори. Чиж. Мухоловка.

Когда горный фазан тоскует по своей подруге, говорят, он утешится, обманутый, если увидит свое отражение в зеркале. Как это грустно! И еще мне жаль, что фазана и его подругу ночью разделяет долина. У журавля чванный вид, но крик его слышится под самыми облаками, это чудесно!

Воробей с красным колпачком. Самец черноголового дубоноса. Птица-искусница. Цапля очень уродлива, глаза у нее злые, и вообще нет в ней ничего привлекательного. Но ведь сказал же поэт: «В этой роще Юруги даже цапля одна не заснет, ищет себе подругу...»

Из всех водяных птиц больше всего трогают мое сердце мандаринки. Селезень с уточкой сметают друг друга иней с крыльев, вот до чего они дружны! А как волнует жалобный крик кулика-тидори!

Соловей прославлен в поэзии. Не только голос, но и повадка, и весь его вид – верх изящества и красоты. Тем досадней, что он не поет внутри Ограды с девятью воротами. Люди говорили мне: «В самом деле, это так!» – а я все не верила. Но вот уже десять лет я служу во дворце, а соловей ни разу и голоса не подал. Казалось бы, возле дворца Сэйредэн густеют рощи бамбука и алой сливы, как соловьям не прилетать туда?

Так нет же, они там не поют, но стоит только покинуть дворец, и ты услышишь, какой гомон поднимают соловьи на сливовых деревьях самого невзрачного вида возле жалкой хижины.

По ночам соловей молчит. Что тут поделаешь – он любителю поспать. Летней порой, до самой поздней осени, соловей поет по-стариковски хрипловато, и люди невежественные дают ему другое имя – «пожиратель насекомых». Какое обидное и жуткое прозвище!

Про какую-нибудь обыкновенную пичугу, вроде воробья, не станут так дурно думать.

Соловья славят как вестника весны. Принято восхвалять в стихах и прозе то прекрасное мгновение, когда соловьиные голоса возвестят: «Весна идет, она уже в пути...» Но если б соловей запел много позже, в середине весны, все равно его песня была бы прекрасна!

Вот и с людьми то же самое. Будем ли мы тратить слова, осуждая недостойного, который потерял чело-

веческий образ и заслужил общее презрение? Ворон, коршун... Кто в целом мире стал бы ими любоваться или слушать их крики? А о соловье идет громкая слава, потому и судят его так строго! При этой мысли невесело становится на душе.

Однажды мы хотели посмотреть, как с праздника Камо возвращается в столицу торжественная процессия, и остановили наши экипажи перед храмами Уринъин и Тисокуин. Вдруг закричала кукушка, словно она в такой день не хотела таиться от людей. Соловьи на ветках высоких деревьев начали хором, и очень похоже, подражать ее голосу, это было восхитительно! Словами не выразить, как я люблю кукушку! Неожиданно слышится ее торжествующий голос. Она поет посреди цветущих померанцев или в зарослях унохана, прячась в глубине ветвей, у нее обидчивый нрав. В пору пятой луны, когда льют дожди, проснешься посреди недолгой ночи и не засыпаешь больше в надежде первой услышать кукушку. Вдруг в ночном мраке звучит ее пленительный, волнующий сердце голос! Нет сил противиться очарованию.

С приходом шестой луны кукушка умолкает, ни звука больше, но напрасно мне искать слова, о кукушке всего не расскажешь. Все живое, что подает свой голос ночью, обычно радует слух. Впрочем, есть одно исключение: младенцы.

НАСЕКОМЫЕ

«Сверчок-колокольчик». Цикада «Закат солнца». Бабочка. Сосновый сверчок. Кузнечик. «Ткач-кузнечик». «Битая скорлупка». Поденка. Светлячок. Мне очень жалко миномуси – «червячка в соломенном плаще». Отец его был чертом. Увидев, что ребенок похож на своего отца, мать испугалась, как бы он тоже не стал злобным чудовищем. Она закутала его в лохмотья и обещала: «Я вернусь, непременно вернусь, когда подует осенний ветер...» – а сама скрылась неведомо куда.

Но покинутый ребенок не знает об этом. Услышит шум осеннего ветра в пору восьмой луны и начинает горестно плакать: «Тити, тити!» – зовет свою мать. Жаль его несчастного!

Как не пожалеть и «жука-молотильщика»! В его маленьком сердце родилась вера в Будду, и он все время по дороге отбивает поклоны. Вдруг где-нибудь в темном уголке послышится тихое мерное постукивание. Это ползет «жукмолотильщик».

Муху я вынуждена причислить к тому, что вызывает досаду. Противное существо! Правда, муха так мала, что не назовешь ее настоящим врагом. Но до чего же она омерзительна, когда осенью на все садится, отбою

нет. Ходит по лицу мокрыми лапками... Иной раз человеку дают имя «Муха», – неприятный обычай! Ночная бабочка прелестна. Когда читаешь, придвинув к себе поближе светильник, она вдруг начинает порхать над книгой. До чего же красиво! Муравей уродлив, но так легок, что свободно бегаёт по воде, забавно поглядеть на него.

РЕБЕНОК ИГРАЛ С САМОДЕЛЬНЫМ ЛУКОМ...

Ребенок играл с самодельным луком и хлыстиком. Он был прелестен! Мне так хотелось остановить экипаж и обнять его.

ПОКИДАЯ НА РАССВЕТЕ ВОЗЛЮБЛЕННУЮ...

Покидая на рассвете возлюбленную, мужчина не должен слишком заботиться о своем наряде.

Не беда, если он небрежно завяжет шнурок от шапки, если прическа и одежда будут у него в беспорядке, пусть даже кафтан сидит на нем косо и криво, – кто в такой час увидит его и осудит?

Когда ранним утром наступает пора расставанья, мужчина должен вести себя красиво. Полный сожаленья, он медлит подняться с любовного ложа. Дама торопит его уйти:

– Уже белый день. Ах-ах, нас увидят! Мужчина тяжело вздыхает. О, как бы он был счастлив, если б утро никогда не пришло! Сидя на постели, он не спешит натянуть на себя шаровары, но склонившись к своей подруге, шепчет ей на ушко то, что не успел сказать ночью.

Как будто у него ничего другого и в мыслях нет, а смотришь, тем временем он незаметно завязал на себе пояс.

Потом он приподнимает верхнюю часть решетчатого окна и вместе со своей подругой идет к двустворчатой двери.

– Как томительно будет тянуться день! – говорит он даме и тихо выскользывает из дома, а она провожает его долгим взглядом, но даже самый миг разлуки останется у нее в сердце как чудесное воспоминание. А ведь случается, иной любовник вскакивает утром как ужаленный. Поднимая шумную возню, суетливо стягивает поясом шаровары, закатывает рукава кафтана или «охотничьей одежды», с громким шуршанием прячет что-то за пазухой, тщательно завязывает на себе верхнюю опояску. Стоя на коленях, надежно крепит шнурок своей шапки-эбоси, шарит, ползая на четвереньках, в поисках того, что разбросал накануне:

– Вчера я будто положил возле изголовья листки бумаги и веер? В потемках ничего не найти.

– Да где же это, где же это? – лазит он по всем углам. С грохотом падают вещи. Наконец нашел! Начинает шумно обмахиваться веером, стопку бумаги сует за пазуху и бросает на прощанье только:

– Ну, я пошел! ЦВЕТЫ

Из луговых цветов первой назову гвоздику. Китайская, бесспорно, хороша, но и простая японская гвоздика тоже прекрасна. Оминаэси – «женская краса». Колокольчик с крупными цветами. Вьюнок «утренний лик». Цветущий тростник. Хризантема. Фиалка.

У горечавки препротивные листья, но когда все другие осенние цветы поникнут, убитые холодом, лишь ее венчики все еще высятся в поле, сверкая яркими крас-

ками, – это чудесно!

Быть может, не годится особо выделять его и петь ему хвалу, но все же какая прелесть цветков «рукоять серпа». Имя это звучит по-деревенски грубо, но китайскими знаками можно написать его иначе: «цветок поры прилета диких гусей».

Цветок «гусяная кожа» не очень ярко окрашен, но напоминает цветок глицинии. Распускается он два раза – весной и осенью, вот что удивительно! Гибкие ветви кустарника хаги осыпаны ярким цветом. Отяжеленные росой, они тихо зыблются и клонятся к земле. Говорят, что олень особенно любит кусты хаги и осенью со стоном бродит возле них. Мысль об этом волнует мне сердце. Махровая керрия.

Вьюнок «вечерний лик» с виду похож на «утренний лик», – не потому ли, называя один, вспоминают и другой? «Вечерний лик» очень красив, пока цветет, но плоды у него безобразны! И зачем только они вырастают такими большими! Ах, если бы они были размером с вишенку, как бы хорошо! Но все равно «вечерний лик» – чудесное имя.

Куст цветущей сирени. Цветы камыша. Люди, верно, будут удивляться, что я еще не назвала сусуки. Когда перед взором расстилаются во всю ширь осенние поля, то именно сусуки придает им неповторимое очарование. Концы его колосьев густо окрашены в цвет шафрана. Когда они сверкают, увлажненные утренней ро-

сой, в целом мире ничего не найдется прекрасней! Но в конце осени сусуки уже не привлекает взгляда. Осыплются бесследно его спутанные в беспорядке, переливавшиеся всеми оттенками гроздьев цветов, останутся только голые стебли да белые головки... Гнутся под ветром стебли сусуки, качаются и дрожат, словно вспоминая былые времена, совсем как старики. При этом сравнении чувствуешь сердечную боль и начинаешь глубоко жалеть увядшее растение.

ТО, ЧТО РЕДКО ВСТРЕЧАЕТСЯ

Тесть, который хвалит зятя. Невестка, которую любит свекровь.

Серебряные щипчики, которые хорошо выщипывают волоски бровей. Слуга, который не чернит своих господ.

Человек без малейшего недостатка. Все в нем прекрасно: лицо, душа. Долгая жизнь в свете нимало не испортила его.

Люди, которые, годами проживая в одном доме, ведут себя церемонно, как будто в присутствии чужих, и все время неусыпно следят за собой. В конце концов редко удается скрыть свой подлинный нрав от чужих глаз. Трудно не капнуть тушью, когда переписываешь роман или сборник стихов. В красивой тетради пишешь с особым старанием, и все равно она быстро принимает грязный вид.

Что говорить о дружбе между женщиной и женщиной! Даже между женщинами не часто сохраняется нерушимое доброе согласие, несмотря на все клятвы в вечной дружбе.

ОДНАЖДЫ, КОГДА ИМПЕРАТРИЦА ИЗВОЛИЛА ВРЕМЕННО ПРЕБЫВАТЬ В СВОЕЙ КАНЦЕЛЯРИИ...

Однажды, когда императрица изволила временно пребывать в своей канцелярии, там, в Западном зале, были устроены «Непрерывные чтения сутр». Все происходило, как обычно: собралось несколько монахов, повесили изображения Будды... Вдруг, на второй день чтения, у подножия веранды послышался голос нищенки:

– Подайте хоть кроху из подношений Будде.

– Как можно, – отозвался бонза, – еще не кончилась служба. Я вышла на веранду поглядеть, кто просит подаяния. Старая нищенка-монахиня в невероятно грязных отрепьях смахивала на обезьяну.

– Что она говорит? – спросила я. Монахиня запричитала:

– Я тоже из учеников Будды, следую по его пути. Прошу, чтоб мне уделили кроху от подношений, но бонзы скупятся.

Цветистая речь на столичный манер! Нищих жалешь, когда они уныло плачут, а эта говорила слишком

бойко, чтобы вызвать сострадание.

– Так ты ничего другого в рот не берешь, как только крохи от подношений Будде? Дело святое! – воскликнула я. Заметив мой насмешливый вид, монахиня возразила:

– Почему это ничего другого в рот не беру? Поневоле будешь есть только жалкие остатки, когда лучшего нет.

Я положила в корзинку фрукты, рисовые лепешки и дала ей. Она сразу же стала держаться фамильярно и пустилась рассказывать множество историй. Молодые дамы тоже вышли на веранду и забросали нищенку вопросами:

– Дружок у тебя есть? Где ты живешь?

Она отвечала шутливо, с разными прибаутками.

– Спой нам! Спляши нам! – стали просить дамы. Нищенка затянула песню, приплясывая:

С кем я буду этой ночью спать? С вице-губернатором Хитати. Кожа у него нежна, С ним сладко спать.

Песня была нескончаемо длинной. Затем она завела другую. На горе Любовь

Заалели листья кленов, – Издали видна.

Всюду слава побежит. Всюду слава побежит, – пела монахиня, трясая головой и вертя ее во все стороны. Это было так нелепо и отвратительно, что дамы со смехом закричали:

– Ступай себе! Иди прочь.

– Жаль ее. Надо бы дать ей что-нибудь, – вступили

лась я. Государыня попеняла нам:

– Ужасно! Зачем вы подбивали нищенку на шутовство? Я не слушала, заткнула себе уши. Дайте ей эту одежду и поскорей проводите со двора. Дамы бросили монахине подарок:

– Вот, государыня пожаловала. У тебя грязное платье, надень-ка новое. Монахиня поклонилась в землю, набросила дарованную одежду на плечи и пошла плясать.

До чего же противно! Все вошли в дом. Но, видно, подарками мы ее приручили, нищенка повадилась часто приходиться к нам. Мы прозвали ее «Вице-губернатор Хитати». Она не мыла своих одежд, на ней были все те же грязные отрепья, и мы удивлялись, куда же она дела свое новое платье?

Когда госпожа Укон, старшая фрейлина из свиты государя, посетила императрицу, государыня пожаловалась на нас:

– Болтали по-приятельски с несносной попрошайкой, приручили, теперь зачастила сюда. – И она приказала даме Кохеэ изобразить ее смешные повадки. Госпожа Укон, смеясь, сказала нам:

– Как мне увидеть эту монахиню? Покажите мне ее. Знаю, знаю, она -ваша любимица, но я ее не переманю, не бойтесь.

Вскоре пришла другая нищая монахиня. Она была калекой, но держала себя с большим достоинством.

Мы начали с ней беседовать. Нищенка эта смушалась перед нами, и мы почувствовали к ней сострадание. И ей тоже мы подарили одежду от имени государыни. Нищенка упала ниц, ее неумелый поклон тронул наши сердца. Когда она уходила, плача от радости, навстречу ей попалась монахиня по прозвищу «Вице-губернатор Хита-ти». С тех пор назойливая попрошайка долго не показывалась нам на глаза, но кто вспоминал ее?

В десятых числах двенадцатой луны выпало много снега. Дворцовые служанки насыпали его горками на подносы.

– Хорошо бы устроить в саду настоящую снежную гору, – решили служанки. Они позвали челядинцев и велели им насыпать высокую гору из снега «по велению императрицы».

Челядинцы дружно взялись за дело. К ним присоединились слуги, подметавшие сад. Гора поднялась очень высоко.

Вышли любопытствовать приближенные императрицы и, увлекшись, начали подавать разные советы.

Появились чиновники – сначала их было трое-четверо, а там, смотришь, – двенадцать.

Велено было созвать всех слуг, отпущенных домой: «Тому, кто строит сегодня снежную гору, уплатят за три дня работы, а кто не явится, с того удержат жалованье за три дня». Услышав это, слуги прибежали впопыхах, но людей, живших в дальних деревнях, известить не

удалось.

Когда работа была кончена, призвали всех слуг, состоявших при дворе императрицы, и бросили на веранду два больших тюка, набитых свертками шелка. Каждый взял себе по свертку и с низким поклоном удалился. Но придворные высших рангов остались, сменив свои парадные одеяния с длинными рукавами на «охотничьи одежды».

Императрица спросила у нас:

– Сколько, по-вашему, простоит снежная гора?

– Дней десять, наверно... – сказала одна. "Пожалуй, десять с лишним, – ответила другая. Никто не рискнул назвать более долгий срок. "А ты как думаешь? – обратилась ко мне государыня. "Снежная гора будет стоять до пятнадцатого дня первой луны нового года, – решительно сказала я. Государыня сочла это невозможным.

Все дамы твердили хором: "Растает, непременно растает еще в старом году. Увы, я зашла слишком далеко... В душе я раскаивалась, что не назвала первый день года. Но будь что будет! Если я ошиблась, поздно отступать теперь, и я твердо стояла на своем.

Числа двадцатого пошел дождь, но гора, казалось, не таяла, только малопомалу становилась все ниже.

«О Каннон Белой горы, не позволяй снежной горе растаять!» – молила я богиню, словно обезумев от тревоги.

Кстати сказать, в тот день, когда строили гору, к нам

явился посланный от императора – младший секретарь императорской канцелярии Тадатака. Я предложила ему подушку для сидения, и мы стали беседовать.

– Нынче снежные горы вошли в большую моду, – сообщил он. – Император велел насыпать гору из снега в маленьком дворике перед своими покоями. Высятся они и перед Восточным дворцом, и перед дворцом Кокидэн, и возле дворца Кегокудоно...

Я сразу же сочинила танку, а одна дама по моей просьбе прочла ее вслух: Мы думали, только у нас Всаду гора снеговая, Но эта новинка стара. Гора моя, подожди! Дожди ее точат, о горе!

Склонив несколько раз голову, Тадатака сказал:

– Мне стыдно было бы сочинить в ответ плохую танку. Блестящий экспромт! Я буду повторять его перед бамбуковой шторой каждой знатной дамы. С этими словами он ушел.

А ведь говорили о нем, что он – мастер сочинять стихи! Я была удивлена. Когда государыня узнала об этом, она заметила:

– Должно быть, твое стихотворение показалось ему необычайно удачным. К концу года снежная гора стала как будто несколько ниже, но все еще была очень высока. Однажды в полдень дамы вышли на веранду. Вдруг появилась нищенка «Вице-губернатор Хитати».

– Тебя долго не было. Отчего это? – спросили ее.

– Отчего, отчего! Случилась беда.
– Какая беда? Вместо ответа нищенка сказала:
– Вот что мне сейчас пришло в голову. И она затынула унылым голосом: Еле к берегу плывет Нищая рыбачка, Так велик ее улов. Отчего же ей одной Моря щедрые дары?

Дамы презрительно рассмеялись. Увидев, что никто не удостоивает ее взглядом, нищая монахиня залезла на снежную гору, потом начала бродить вокруг да около и наконец исчезла.

Послали рассказать об этой истории госпоже Укон. Служанка передала нам ее слова:

– Почему же вы не велели проводить нищенку сюда? Бедняжка с досады даже на снежную гору влезла! Все снова начали смеяться. Снежная гора благополучно простояла до самого конца года. В первую же ночь первой луны выпал обильный снег.

Я было подумала: «О радость! Гора снова станет выше». Но государыня отдала приказ:

– Оставьте старый снег, а свежий надо смести и убрать. Я провела ночь во дворце. Когда рано утром я вернулась в свои покои, ко мне пришел, дрожа от холода, старший слуга. На рукаве своего придворного кафтана, зеленого, как листья лимонного дерева, он принес сверток в зеленой бумаге, привязанный к ветке сосны.

– От кого письмо? – спросила я.

– От Принцессы – верховной жрицы, – последовал ответ. Я исполнилась благоговейной радости и поспешно отнесла послание государыне. Госпожа моя еще почивала. Я придвинула шашечную доску вместо скамеечки и, став на нее, попробовала, напрягая все силы, одна поднять решетчатую створку ситоми, возле спального полога, но створка эта была слишком тяжелой. Я смогла приподнять ее лишь с одного края, и она громко заскрипела. Императрица очнулась от сна.

– Зачем ты это делаешь? – спросила она.

– Прибыло послание от Принцессы – верховной жрицы. Как не поторопиться прочесть его? – сказала я.

– Рано же его принесли! Государыня поднялась с постели и развернула сверток. В нем находились два «жезла счастья» длиной в пять сунов, сложенные так, что верхние концы их напоминали «колотушку счастья», и украшенные ветками дикого померанца, плауна и горной лилии. Но письма не было.

– Неужели ни единого слова? – изумилась государыня и вдруг увидела, что верхние концы жезлов завернуты в небольшой листок бумаги, а на нем написана песня:

Гул пошел в горах. От ударов топора Прокатилось эхо. Чтобы счастье приманить, Дикий персик срублен.

Государыня начала сочинять «ответную песню», а я в это время любовалась ею, так она была хороша! Когда надо было послать весть Принцессе -верховой

жрице или ответить ей, императрица всегда писала с особым тщанием и сейчас отбрасывала черновик за черновиком, не жалея усилий. Послу Принцессы пожаловали белую одежду без подкладки и еще одну, темно-алого цвета. Сложенные вместе, они напоминали белоснежный, подбитый алым шелком кафтан «цвета вишни».

Слуга ушел сквозь летевший снег, набросив одежды себе на плечо... Красивое зрелище!

На этот раз мне не удалось узнать, что именно ответила императрица, и я была огорчена. А снежная гора тем временем и не думала таять, словно была настоящей Белой горой в стране Коси. Она почернела и уже не радовала глаз, но мне страстно хотелось победить в споре, и я молила богов сохранить ее до пятнадцатого дня первой луны.

Но другие дамы говорили:

– И до седьмого не устоит!

Все ждали, чем кончится спор, как вдруг неожиданно на третий день нового года государыня изволила отбыть в императорский дворец. «Какая досада! Теперь уж мы не узнаем, сколько простоит снежная гора», – с тревогой думала я.

– Право, хотелось бы поглядеть! – воскликнули дамы. И сама государыня говорила то же самое.

Сохранись гора до предсказанного мною срока, я бы могла с торжеством показать ее императрице. Но те-

перь все потеряно! Начали выносить вещи. Воспользовавшись суматохой, я подозвала к веранде старого садовника, который пристроил навес своей хижинки к глинобитной ограде двorca.

– Береги хорошенько эту снежную гору, – приказала я ему. – Не позволяй детям топтать и разбрасывать снег. Старайся сохранить ее в целости до пятнадцатого дня. Если она еще будет стоять в этот день, то я попрошу императрицу пожаловать тебе богатый подарок и сама в долгу не останусь. Я всегда давала садовнику много разных лакомств и прочей снеди, какой стряпухи угощают челядинцев, и он ответил мне с довольной усмешкой:

– Дело легкое, буду стеречь вашу гору... Правда, дети уж наверно на нее полезут.

– Если они тебя не послушают, извести меня, – ответила я. Я пробыла в императорском дворце до седьмого дня первой луны, а потом уехала к себе домой.

Все время, пока я жила во дворце, мне не давала покоя снежная гора. Кого только не посылала я узнать о ней: камеристок, истопниц, старших служанок... В седьмой день нового года я велела отнести садовнику остатки от праздничных кушаний, и посланная моя, смеясь, рассказывала мне, как благоговейно, с земным поклоном, садовник принял этот дар.

В своем родном доме я вставала еще до рассвета, мучимая тревогой, и спешила отправить служанку:

пусть скорей посмотрит, сохранилась ли снежная гора. Пришел десятый день. Как я была рада, когда служанка доложила мне:

– Еще дней пять простоит!

Но к вечеру четырнадцатого дня полил сильный дождь. От страха, что гора за ночь растает, я не могла сомкнуть глаз до самого утра. Слушая мои жалобы, люди подсмеивались надо мной: уж не сошла ли я с ума? Посреди ночи кто-то из моих домашних проснулся и вышел. Я тоже поднялась с постели и начала будить слугу, но он и не подумал пошевелиться, негодник. Я сильно рассердилась на него, и он нехотя встал и отправился в путь. Вернувшись, слуга сказал:

– Теперь она не больше круглой соломенной подушки для сидения. Садовник усердно ее бережет, детей и близко не подпускает. Не извольте беспокоиться, дня два еще продержится. Садовник рад. «Дело верное, говорит, я получу обещанный подарок!»

В приливе восторга я начала мечтать о том, как придет долгожданный день. Я насыплю горку снега на поднос и покажу государыне. Сердце мое билось от радостного ожидания.

Наконец пришло утро пятнадцатого дня. Я встала ни свет ни заря и дала моей прислужнице шкатулку:

– Вот, иди к горе, насыпь сюда снегу! Бери его оттуда, где он белый. А грязный снег смахни и отбрось.

Женщина что-то уж слишком скоро вернулась, раз-

махивая на ходу крышкой от пустой шкатулки.

– Снег весь растаял! – воскликнула она. Я была изумлена и глубоко огорчилась. Какая неудача! Я сложила к случаю неплохое стихотворение и думала читать его людям с печальными вздохами... А теперь – к чему оно?

– Как могло это случиться? Вчера вечером снега было еще вот столько, а за ночь весь растаял? – спрашивала я с отчаянием. Служанка начала крикливо рассказывать:– Садовник так сетовал, так жаловался, всплескивая от горя руками: «Ведь до самой темноты еще держалась. Я-то надеялся получить подарок...»

В эту минуту явился посланный из дворца. Императрица велела спросить у меня:

– Так что же, стоит ли еще снежная гора? Как ни было мне тяжело и досадно, я принуждена была ответить:

– Передайте от моего имени государыне: «Хоть все и утверждали, что снежная гора растает в старом году и уж самое позднее в первый день нового года, но она еще вчера держалась до самого заката солнца. Смею думать, я верно предсказала. Если бы снег не растаял и сегодня, моя догадка была бы уж слишком точной. Но кажется мне, нынче ночью кто-то из зависти разбросал его».

В двадцатый день первой луны я вернулась во дворец и первым делом начала рассказывать государыне

историю снежной горы.

– Не успела моя служанка уйти, как уже бежит назад, размахивая крышкой. Словно тот монашек, что сказал: «А ларец я бросил». Какое разочарование! я– то хотела насыпать на поднос маленькую горку из снега, красиво написать стихи на белой-белой бумаге и поднести вам.

Государыня от души рассмеялась, и все присутствующие не могли удержаться от смеха.

– Ты отдала снежной горе столько сердечной заботы, а я все испортила и, наверно, заслужила небесную кару! Сказать тебе правду, вечером в четырнадцатый день года я послала служителей разбросать снежную гору. (Забавно, что в своем ответном письме ты как раз и заподозрила нечто подобное.) Старичок-садовник проснулся. И, молитвенно сложив руки, стал просить, чтобы гору пощадили, но слуги пригрозили ему: «На то есть высочайший приказ. Никому ни слова, иначе берегись, сровняем с землей твою лачугу».

Они побросали весь снег за ограду, что находится к югу от караульнилевой гвардии.

«Крепкий был снег, еще немало его оставалось», – сказали слуги. Пожалуй, он дождался бы и двадцатого дня, ведь к нему прибавился первый снег нового года. Сам государь, услышав об этом, заметил: «А она глубоко заглянула в будущее, вернее других...» Прочти же нам твоё стихотворение. Я созналась во всем,

и, по совести, ты победила! Дамы вторили государыне, но я, всерьез опечаленная, была не в силах успокоиться.

– Зачем я стану читать стихи? Теперь, когда я узнала, как жестоко со мной поступили! Пришел император и заметил:

– Правду сказать, я всегда думал, что она – любимая наперсница государыни, но теперь что-то сомневаюсь...

Мне стало еще более горько, я готова была заплакать. Я так радовалась, что падает свежий снег, но императрица приказала смести его и убрать.

– Она не хотела признать твою победу, – улыбнулся император.

ТО, ЧТО НЕПРИЯТНО СЛУШАТЬ

Кто-то в свое удовольствие неумело наигрывает на цитре, даже не настроив ее. Пришел гость, ты беседуешь с ним. Вдруг в глубине дома слуги начинают громко болтать о семейных делах. Унять их ты не можешь, но каково тебе слушать! Ужасное чувство. Твой возлюбленный напился и без конца твердит одно и то же.

Расскажешь о ком-нибудь сплетню, не зная, что он слышит тебя. Потом долго чувствуешь неловкость, даже если это твой слуга или вообще человек совсем незначительный.

Тебе случилось заночевать в чужом доме, а твои челядинцы разгулялись вовсю. Как неприятно!

Родители, уверенные, что их некрасивый ребенок прелестен, восхищаются им без конца и повторяют все, что он сказал, подделываясь под детский лепет. Невежда в присутствии человека глубоких познаний с ученым видом так и сыплет именами великих людей. Человек декламирует свои стихи (не слишком хорошие) и разглагольствует о том, как их хвалили. Слушать тяжело!

ЕГО СВЕТЛОСТЬ ТЮНАГОН ТАКАИЭ ПОСЕТИЛ ОДНАЖДЫ ИМПЕРАТРИЦУ...

Его светлость тюнагон Такаиэ посетил однажды императрицу – свою сестру – и сказал, что собирается преподнести ей веер:

– Я нашел замечательный остов для веера. Надо обтянуть его, но обыкновенная бумага не годится. Я ищу что-нибудь совсем особое.

– Что же это за остов? – спросила государыня.

– Ах, он великолепен! Люди говорят: «Мы в жизни не видали подобного». И они правы, это нечто невиданное, небывалое...

– Но тогда это не остов веера, а, наверно, кости медузы, – заметила я.

– Остроумно! – со смехом воскликнул господин тюнагон. – Буду выдавать ваши слова за свои собственные.

Пожалуй, историю эту следовало бы поместить в список того, что неприятно слушать, ведь может показаться, будто я хвастаюсь. Но меня просили не умалчивать ни о чем. Право, у меня нет выбора.

ОДНАЖДЫ ВО ВРЕМЯ ДОЛГИХ ДОЖДЕЙ...

Однажды во время долгих дождей младший начальник министерства церемониала Нобуцунэ прибыл во дворец императрицы с вестью от императора. Как всегда, ему была предложена подушка для сидения, но он отбросил ее еще дальше, чем обычно, и уселся прямо на пол.

– Как вы думаете, для кого эта подушка? – спросила я.

– Я побывал под дождем, – ответил он, посмеиваясь. – Боюсь оставить на подушке следы моих грязных ног. Поди, запачкаю.

– Пойти за пачкою бумаги нетрудно, – заметила я. – Но можете наследить, я следить не буду.

– Не воображайте, что вы уж так находчивы! Я заговорил о следах моих ног, а не то разве пришла бы вам в голову эта игра слов, – повторял он снова и снова.

Было очень забавно.

– К слову расскажу, – поведала я ему, – что в былые времена во дворце старшей императрицы служила прославленная своей красотой женщина по имени Энутаки.

Покойный Фудзивара Токикаро, тот, что впослед-

ствии умер в звании губернатора провинции Мино, был тогда молодым куродо. Однажды он заглянул в комнату, где собралось много придворных служанок, и воскликнул:

– Так вот она, знаменитая Энутаки – «Прелестница!» Почему же ты не столь прелестна, как твое имя обещает?

– Но ведь это «Токикара» – «Смотря для кого». И все при дворе, даже высшие сановники и старшие царедворцы, нашли ответ Энутаки очень остроумным. «Сказала, как припечатала», – говорили они. Думаю, история эта правдива. Сколько времени уж рассказывают ее, не меняя ни слова.

Нобуцунэ возразил мне:

– Но все же Токикара как бы сам подсказал ей эту шутку. Ведь и в поэзии всего важнее тема. Задайте тему – и можно сочинить, что угодно, хоть китайское стихотворение, хоть японское.

– О да, еще бы! Я предложу вам тему, а вы сложите японскую танку, – сказала я.

– Отлично, – согласился Нобуцунэ. – Перед лицом государыни я готов сложить сколько угодно танок.

Но как раз в это время государыня прислала свой ответ на письмо императора.

– О страх! Я поспешно убегаю, – И Нобуцунэ торопливо скрылся.

– У него невозможный почерк, – стали говорить о

нем, когда он покинул комнату. – Хоть китайские иероглифы, хоть японское письмо, все выглядит ужасно. Над его каракулями всегда посмеиваются. Вот и пришлось ему бежать... В те времена, когда Нобуцунэ служил главным смотрителем строительных работ во дворце, он послал к одному из мастеров чертеж постройки, набросав на нем собственной рукой: «Выполнять в точности как изображено здесь». Я приписала сбоку на полях бумаги:

«Если мастер последует приказу, то получится нечто весьма удивительное». Бумага эта получила хождение среди придворных, и люди умирали от смеха.

МАСАХИРО – ОБЩАЯ МИШЕНЬ ДЛЯ НАСМЕШЕК

Масахиро – общая мишень для насмешек. Каково это слушать его родителям! Стоит людям заприметить, что Масахиро сопровождает слуга достойного вида, как уж непременно подзовут и спросят:

– Как ты можешь служить такому господину? О чем только ты думаешь? В доме Масахиро все заведено наилучшим порядком: искусные руки наряжают его, и он всегда одет щеголевато, лучше других; шелка одежд подобраны со вкусом. Но люди только посмеиваются:

– Эх, если бы в этот наряд облачить кого-нибудь другого! А как странно он выражается! Однажды он велел доставить домой вещи, которыми пользовался во время ночного дежурства во дворце.

– Пусть несут двое, – приказал он своим слугам.

– Я и один справлюсь, – вызвался кто-то из них.

– Чудной ты человек! – удивился Масахиро. – Как же ты один взвалишь на плечи двойную ношу? Это все равно что в кувшин, вмещающий одну меру, налить две меры вина.

Никто не мог взять в толк его слова, и все залились смехом. Другой раз посланный принес Масахиро пись-

мо от кого-то и стал торопить с ответом.

– Ах ты неотвязный, чего суетишься? Горошины на очаге скачут, покоя не знают... А кто стащил из дворца тушь и кисти? Ну я еще понимаю, польстились бы на вино или закуску.

И снова общий смех. Когда заболела императрица-мать, Масахиро был послан осведомиться о ее здравии. После того как он вернулся, люди стали спрашивать:

– Кто сейчас находится у нее во дворце? Он назвал четыре-пять имен.

– А еще кто?

– Да присутствовали и другие, но только они были в отсуствии. Очередная нелепость!

Как-то раз, когда я была одна, он пришел ко мне и сказал:

– Послушайте, я должен вам кое о чем рассказать.

– О чем же? – осведомилась я.

Он приблизился вплотную к занавесу, разделявшему нас, но вместо обычных слов

– как, например: «Придвиньтесь ближе!» – вдруг заявил:

– Придвиньте сюда все ваше существо целиком. И насмешил всех дам.

Однажды ночью, во время первой луны, когда в разгаре были заседания, на которых распределялись государственные посты, Масахиро должен был напол-

нить маслом светильники во дворе.

Он наступил ногой на кусок ткани, подстеленной под высокий светильник. Ткань была свежепромаслена и прилипла к сапожку. Масахиро сделал шаг, светильник опрокинулся. А он продолжал идти, таща за собой светильник. Грохот был такой, словно случилось землетрясение.

Пока старший куроодо не сядет к столу, никто из его подчиненных не смеет ни к чему прикоснуться, таков обычай. Однажды Масахиро потихоньку схватил чашку с бобами и стал поедать их, спрятавшись позади малой ширмы. Вдруг кто-то отодвинул ширму... Смеху конца не было! ТО, ЧТО ГЛУБОКО ТРОГАЕТ СЕРДЦЕ Почтительная любовь детей к своим родителям. Молодой человек из хорошей семьи уединился с отшельниками на горе Митакэ. Как жаль его! Разлученный с родными, он каждый день на рассвете бьет земные поклоны, ударяя себя в грудь. И когда его близкие просыпаются от сна, им кажется, что они собственными ушами слышат эти звуки... Все их мысли устремлены к нему.

«Каково ему там, на вершине Митакэ?» – тревожно и с благоговейным восхищением думают они.

Но вот он вернулся, здоров и невредим. Какое счастье! Только шапка немного смялась и потеряла вид...

Впрочем, я слышала, что знатнейшие люди, совершая паломничество, надевают на себя старую, потрепанную одежду.

И лишь Нобутака, второйначальник Правого отряда личной гвардии, был другого мнения:

– Глупый обычай! Почему бы не нарядиться достойным образом, отправляясь в святые места? Да разве божество, обитающее на горе Митакэ, повелело: «Являйтесь ко мне в скверных обносках?»

Когда в конце третьей луны Нобутака отправился в паломничество, он поражал глаза великолепным нарядом. На нем были густо-лиловые шаровары и белоснежная «охотничья одежда» поверх нижнего одеяния цвета ярко-желтой керрии. Сын его Такамицу, помощник начальника дворцовой службы, надел на себя белую накидку, пурпурную одежду и длинные пестрые шаровары из ненакрахмаленного шелка.

Как изумлялись встречные пилигримы! Ведь со времен древности никто не видел на горной тропе людей в столь пышном облачении! В конце четвертой луны Нобутака вместе с сыном вернулся в столицу, а в начале десятых чисел шестой луны скончался правитель провинции Тикудзэн, и Нобутака унаследовал его пост.

– Он был прав! – говорили люди. Этот рассказ не из тех, что глубоко трогают сердце, он здесь к слову, поскольку речь зашла о горе Митакэ. Но вот что подлинно волнует душу.

Мужчина или женщина, молодые, прекрасные собой, в черных траурных одеждах. В конце девятой или в начале десятой луны голос кузнечика, такой слабый,

Что кажется, он почудился тебе.

Наседка, высиживающая яйца. Капли росы, сверкающие поздней осенью, как многоцветные драгоценные камни на мелком тростнике в саду.

Проснуться посреди ночи или на заре и слушать, как ветер шумит в речных бамбуках, иной раз целую ночь напролет.

Горная деревушка в снегу. Двое любят друг друга, но что-то встало на их пути, и они не могут следовать велению своих сердец. Душа полна сочувствия к ним. Наступил рассвет двадцать седьмого дня девятой луны. Ты еще ведешь тихий разговор, и вдруг из-за гребня гор выплывает месяц, тонкий и бледный... Не поймешь, то ли есть он, то ли нет его. Сколько в этом печальной красоты! Как волнует сердце лунный свет, когда он скупо точится сквозь щели в кровле ветхой хижины!

И еще – крик оленя возле горной деревушки. И еще – сияние полной луны, высветившее каждый темный уголок в старом саду, оплетенном вьющимся подмаренником.

ТО, ЧТО КАЖЕТСЯ ОТВРАТИТЕЛЬНЫМ

В день большой праздничной процессии какой-то мужчина в полном одиночестве смотрит на нее из глубины экипажа. Что у него за сердце? Молодым людям, пусть даже они и незнатного рода, понятно, хочется посмотреть на зрелище. Отчего бы не посадить их в свой экипаж? Так нет, он в одиночестве глядит сквозь плетеные занавеси, а до других ему и дела нет. Как-то невольно подумашь: вот неприятный человек! Неширокая, значит, у него душа. Отправляешься полюбоваться каким-нибудь зрелищем или совершаешь паломничество в храм – и вдруг полил дождь. Краем уха услышишь сетования слуги:

– Меня не жалует. Такой-то теперь ходит в любимчиках... Ты была к кому-то не слишком расположена, и вот он в отместку сочиняет небылицы, возводит на тебя напраслину, чернит, как может, а самого себя превозносит до небес. Как это отвратительно!

ТО, ЧТО УТРАТИЛО ЦЕНУ

Большая лодка, брошенная на берегу во время отлива. Высокое дерево, вывороченное с корнями и поваленное бурей. Ничтожный человек, распекающий своего слугу. Земные помыслы в присутствии святого мудреца. Женщина, которая сняла парик и причесывает короткие жидкие пряди волос. Старик, голый череп которого не прикрыт шапкой. Спина побежденного борца.

Жена обиделась на мужа по пустому поводу и скрылась неизвестно где. Она думала, что муж непременно бросится искать ее, но не тут-то было, он спокоен и равнодушен, а ей нельзя без конца жить в чужом месте, и она поневоле, непрошенная, возвращается домой.

Женщина в обиде на своего возлюбленного, осыпает его горькими упреками. Она не хочет делить с ним ложе и отодвигается как можно дальше от него. Он пытается притянуть ее к себе, а она упрямится. Наконец, с него довольно! Он оставляет ее в покое и, укрывшись с головой, устраивается на ночь поудобнее.

Стоит зимняя ночь, а на женщине только тонкая одежда без подкладки. В увлечении гнева она не чувствовала холода, но время идет – и стужа начинает проби-

рать ее до мозга костей.

В доме все давно спят крепким сном. Пристойно ли ей встать с постели и одной бродить в потемках? Ах, если бы раньше догадаться уйти! Так думает она, не смыкая глаз. Вдруг в глубине дома раздаются странные, непонятные звуки. Слышится шорох, что-то поскрипывает... Как страшно!

Тихонько она придвигается к своему возлюбленному и пробует натянуть на себя край покрывала. Нелепое положение!

А мужчина не хочет легко уступить и притворяется что заснул!

ТО, ОТ ЧЕГО СТАНОВИТСЯ НЕЛОВКО

Попросишь слугу доложить о твоём приезде, а к тебе из глубины дома выходит кто-то другой, вообразив, что пришли именно к нему. И совсем конфузно, если у тебя в руках подарок.

Скажешь в разговоре дурное на чей-либо счет, а ребенок возьми и повтори твои слова прямо в лицо тому самому человеку!

Кто-то, всхлипывая, рассказывает грустную историю. «В самом деле, как это печально!» – думаешь ты, но, как назло, не можешь выжать из себя ни одной слезинки.

Тебе совестно, и ты пытаешься строить плачевную мину, притворяешься безмерно огорченной, но нет! Не получается. А ведь в другой раз услышишь радостную весть – и вдруг побегут непрошеные слезы.

ОДНАЖДЫ В ПОРУ ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ...

Однажды в пору девятой луны всю долгую ночь до рассвета лил дождь. Утром он кончился, солнце встало в полном блеске, но на хризантемах в саду еще висели крупные, готовые вот-вот пролиться капли росы. На тонком плетенье бамбуковых оград, на застрехах домов трепетали нити паутин. Росинки были нанизаны на них, как белые жемчужины... Пронзающая душу красота! Когда солнце поднялось выше, роса, тяжело пригнувшая ветки хаги, скатилась на землю, и ветви вдруг сами собой взлетели в вышину...

А я подумала, что люди ничуть бы этому не удивились. И это тоже удивительно!

ОДНАЖДЫ НАКАНУНЕ СЕДЬМОГО ДНЯ...

Однажды накануне седьмого дня нового года, когда вкушают семь трав, явились ко мне сельчане с охапками диких растений в руках. Воцарилась шумная суматоха.

Деревенские ребяташки принесли цветы, каких я сроду не видела.

– Как они зовутся? – спросила я. Но дети молчали.

– Ну? – сказала я.

Дети только переглядывались.

– Это миминакуса – «безухий цветок», – наконец ответил один из них.

– Меткое название! В самом деле, у этих дичков такой вид, будто они глухие!

– засмеялась я.

Ребяташки принесли также очень красивые хризантемы «я слышу», и мне пришло в голову стихотворение:

Хоть за ухо тереби! «Безухие» не отзовутся – Цветы миминакуса. Но, к счастью, нашелся меж них

Цветок хризантемы – «я слышу». Хотелось мне прочесть детям эти стихи, но они опять ничего бы не взяли в толк.

ТО, В ЧЕМ ВИДНА НЕВОСПИТАННОСТЬ

Заговорить первым, когда застенчивый человек наконец собрался что-то сказать.

Ребенок лет четырех-пяти, мать которого живет в одном из ближних покоев, отчаянно шаловлив. Он хватается твои вещи, разбрасывает, портит. Обычно приструнишь ребенка, не позволишь ему творить все, что в голову взбредет, и шалун присмирееет... Но вот является его матушка, и он начинает дергать ее за рукав:

– Покажи мне вон то, дай, дай, мама!

– погоди, я разговариваю со взрослыми, – отвечает она, не слушая его. Тогда уж он сам роется в вещах, найдет что-нибудь и схватит. Очень досадно! Мать запретит ему:

– Нельзя! – но не отнимет, а только говорит с улыбкой:

– Оставь! Испортишь! Она тоже дурно ведет себя. А ты, понятно, не можешь сказать ни слова, а только бессильно глядишь со стороны, изнывая от беспокойства.

ТО, ЧТО ТОРОПИШЬСЯ УЗНАТЬ ПОСКОРЕЕ

Не терпится посмотреть, как получились ткани не- ровной окраски – темное со светлым, – или ткани, окра- шенные в туго перетянутых свертках, чтобы остался белый узор.

У женщины родился ребенок. Скорей бы узнать, мальчик или девочка! Если родильница – знатная осо- ба, твой интерес понятен, но будь она хоть простолю- динкой, хоть служанкой, все равно берет любопытство. Во дворце состоялось назначение губернаторов про- винций. Ты едва можешь дождаться утра, так тебе хо- чется услышать новости. Что ж, это понятно, если один из твоих друзей надеялся получить пост. Но предпо- ложим, таких знакомых у тебя нет, а все же нейметса узнать.

ТО, ЧТО ВЫЗЫВАЕТ ТРЕВОЖНОЕ НЕТЕРПЕНИЕ

Швее послан на дом кусок ткани для спешной работы. Сидишь, уставясь глазами в пустоту, и ждешь не дожدهшься, когда же принесут шитье! Женщина должна разрешиться от бремени. Уже прошли все положенные сроки, а нет еще и признака приближения родов.

Из дальних мест пришло письмо от возлюбленного, крепко запечатанное рисовым клеем. Торопишься раскрыть его, а сердце так и замирает... Хочешь посмотреть на праздничное шествие, но, на беду, запаздываешь с выездом. Все уже кончилось. Но заметишь вдали белый жезл начальника стражи, и в тебе оживет надежда. Скорей бы слуги подвезли твой экипаж к галерее для зрителей! Сгорая от нетерпения, ты готова выскочить из экипажа и идти пешком.

Пришел какой-то человек и ждет снаружи, позади опущенной шторы. Но ты не хочешь с ним встретиться. Пусть думает, что ты в отсутствии... Тогда он обращается к другой даме, которая сидит как раз напротив тебя, и просит ее передать, что он здесь.

Родители нетерпеливо ожидали ребенка. Ему исполнилось всего лишь пятьдесят или сто дней, а отца с матерью уже волнуют думы о его будущем. Торопишь-

ся закончить к сроку спешное шитье, а надо в потемках вдеть нитку в иголку. Как тут быть? Нащупаешь ушко иглы и попросишь другую женщину продеть нитку. Она заспешит, но дело не ладится, никак не попадет ниткой в ушко. Скажешь ей:

– Бросьте, и так сойдет. – Но она с обиженным видом ни за что не хочет оставить свои попытки.

Чувствуешь тогда не только нетерпение, но и злость. Необходимо спешно куда-то поехать, но одна из дам попросила ненадолго одолжить ей экипаж.

– Я только съезжу к себе домой и сейчас же вернусь, – уверяла она. Ждешь в нетерпении. Вдруг на дороге показывается экипаж...

– Вот он наконец! – радуешься ты, но – увы! – он сворачивает в сторону. Это невыносимо!

Но хуже, если ты спешила поглядеть на праздничное шествие, и вдруг люди тебе говорят:

– Шествие уже, кажется, тронулось в путь. Есть от чего прийти в отчаянье! А как тревожно становится на душе, когда у женщины кончились роды, но послед не отходит...

Отправишься в экипаже к своим приятельницам с приглашением поглядеть вместе на какое-нибудь зрелище или посетить храм. Но они не слишком торопятся сесть в экипаж. Ждешь их долго-долго, пока не возьмет досада! Так и подмывает оставить их и уехать одной.

Или вот еще. Торопишься поскорей развести огонь,

а сухой уголек для растопки, как нарочно, никак не за-
жигается...

Кто-нибудь прислал стихи, надо поскорей сочинить «ответную песню», но ничего не приходит в голову, и тебя берет тревога. Если пишешь своему возлюбленному, можно не спешить. Но бывает и так, что приходится... Вообще, опасно сочинять ответные стихи – хотя бы адресованные женщине – с одной-единственной мыслью, успеть побыстрее. Можно совершить непростительный промах!

Нездоровится, томят ночные страхи. С каким нетерпением тогда ждешь рассвета!

ТО, ЧТО НАПОМИНАЕТ ПРОШЛОЕ, НО УЖЕ НИ К ЧЕМУ НЕ ПРИГОДНО

Узорная циновка с потрепанными краями, из которых вылезают нитки. Ширмы с картинами в китайском стиле, почерневшие и порванные. Художник, потерявший зрение.

Накладные волосы длиной в семь-восемь сяку, когда они начали рыжеть. Ткань цвета пурпурного винограда, когда она выцвела. Любитель легких походов, когда он стар и немощен. Сад ценителя утонченной красоты, где все деревья были уничтожены огнем. Еще остается пруд, но ряска и водяные травы уже начали глушить его...

ТО, ЧТО ВНУШАЕТ ОПАСЕНИЯ

Зять с изменчивым сердцем, который проводит все ночи вдали от своей жены. Щедрый на посулы, но лживый человек, когда он, делая вид, что готов услужить вам, берется за какое-нибудь очень важное поручение. Корабль с поднятыми парусами, когда бушует ветер. Старик лет семидесяти-восемидесяти, который занедужил и уже много дней не чувствует облегчения.

ТО, ЧТО ДАЛЕКО, ХОТЯ И БЛИЗКО

Празднества в честь богов, совершаемые перед дворцом. Отношения между братьями, сестрами и другими родственниками в недружной семье.

Извилистая дорога, ведущая к храму Курама. Последний день двенадцатой луны и первый день Нового года.

ТО, ЧТО БЛИЗКО, ХОТЯ И ДАЛЕКО

Обитель райского блаженства.

След от корабля. Отношения между мужчиной и женщиной.

«В КАКОМ-ТО МЕСТЕ ОДИН ЧЕЛОВЕК НЕ ИЗ ЧИСЛА МОЛОДЫХ АРИСТОКРАТОВ...»

"В каком-то месте один человек не из числа молодых аристократов, но прославленный светский любезник с утонченной душой, посетил в пору «долгого месяца» некую даму, – умолчу о ее имени...

Предраассветная луна была подернута туманной дымкой. Настал миг разлуки. В проникновенных словах он заверил даму, что эта ночь будет вечно жить в его воспоминаниях, и наконец неохотно покинул ее. А она не спускала с него глаз, пока он не скрылся вдаль. Это было волнующе прекрасно! Но мужчина только сделал вид, что ушел, а сам спрятался в густой тени, позади решетчатой ограды.

Ему хотелось еще раз сказать даме, что он не в силах расстаться с ней. А она, устремив свои взоры вдаль, тихим голосом повторяла старые стихи: Луна предраассветная в небе. О, если б всегда... Накладные волосы съехали с макушки набок и повисли прядями длиной в пять вершков. И словно вдруг зажгли лампу, кое-где засветились отраженным светом луны красноватые пятна затылка...

Пораженный неожиданностью, мужчина потихоньку убежал". Вот какую историю рассказали мне.

КАК ЭТО ПРЕКРАСНО, КОГДА СНЕГ НЕ ЛЯЖЕТ ЗА НОЧЬ ВЫСОКИМИ БУГРАМИ...

Как это прекрасно, когда снег не ляжет за ночь высокими буграми, но лишь припорошит землю тонким слоем!

А если повсюду вырастут горы снега, находишь особую приятность в душевном разговоре с двумя-тремя придворными дамами, близкими тебе по духу. В сгустившихся сумерках сидим вокруг жаровни возле самой веранды. Лампы зажигать не надо. Все освещено белым отблеском снегов. Разгребая угли щипцами, мы рассказываем друг другу всевозможные истории, потешные или трогательные.

Кажется, уже минули первые часы ночи, как вдруг слышим шаги. «Странно! Кто бы это мог быть?» – вглядываемся мы в темноту. Появляется человек, который иногда неожиданно посещает нас в подобных случаях.

– Я все думал о том, как вы, дамы, любуетесь снегом, – говорит он, – но дела весь день задерживали меня в присутственных местах. И тогда одна из дам, возможно, произнесет слова из какого-нибудь старого стихотворения, к примеру:

Тот, кто пришел бы сегодня... И пойдет легкий разговор о событиях нынешнего дня и о тысяче других вещей. Гостю предложили круглую подушку, но он уселся на краю веранды, свесив ногу. И дамы позади бамбуковой шторы, и гость на открытой веранде не устают беседовать, пока на рассвете не зазвонит колокол. Гость торопится уйти до того, как займется день. Снег засыпал вершину горы... – декламирует он на прощанье. Чудесная минута! Если б не он, мы, женщины, вряд ли провели бы эту снежную ночь без сна до самого утра, и красота ее не показалась бы нам столь необычной. А после его ухода мы еще долго говорим о том, какой он изысканно утонченный кавалер.

ВНУШИТЕЛЬНАЯ ОСОБА -МУЖ КОРМИЛИЦЫ

Внушительная особа – муж кормилицы. С этим спорить не приходится, особенно если молочный сын кормилицы – микадо или принц крови. Но не будем залезать так высоко.

В домах провинциальных губернаторов (скажем, к примеру) мужа кормилицы терпят как неизбежную напасть и всячески убажуют. А он с самоуверенным видом творит все, что ему заблагорассудится, словно ребенок – его собственный.

Девочку он еще оставит в покое, но если это мальчик... Тут уж он не отходит от ребенка, и горе тому, кто хоть малость поперечит молодому господину! Муж кормилицы сразу же начнет отчитывать и бранить дерзкого. И так как не находится человека, чтобы напрямик высказать этому непрошеному пестуну все, что на сердце накипело, он напускает на себя важный вид, словно никто ему не указ.

И понятно, при таком воспитании ребенок уже в младенческих годах несколько испорчен и избалован.

Если кормилица с ребенком спит в покоях своей гостиной, то муж кормилицы принужден проводить ночи один. Конечно, он может пойти куда-нибудь в другое

место, и тогда жена устроит ему сцену ревности, как неверному изменнику. Но предположим, он силком заставит свою жену лечь с ним. Госпожа начнет звать ее к ребенку: «Поди-ка сюда, поди на минутку!» Кормилице придется темной зимней ночью ощупью пробираться в спальню своей госпожи, – невеселое дело!

В самых знатных домах та же картина, только, пожалуй, неприятностей там побольше.

В ЗНОЙНЫЙ ЛЕТНИЙ ПОЛДЕНЬ...

В знойный летний полдень не знаешь, что делать с собой. Даже веер обдаёт тебя неприятно теплым ветерком... Сколько ни обмахивайся, нет облегчения. Торопишься, задыхаясь от жары, смочить руки ледяной водой, как вдруг приносят послание, написанное на ослепительно-алом листке бумаги, оно привязано к стеблю гвоздики в полном цвету.

Возьмешь послание – и на тебя нахлынут мысли: «Да неподдельна любовь того, кто в такую удушливую жару взял на себя труд написать эти строки!» В порыве радости отброшен и позабыт веер, почти бессильный навеять прохладу...

ТО, ЧТО МОЖЕТ СРАЗУ УРОНИТЬ В ОБЩЕМ МНЕНИИ

Когда кто-нибудь (хоть мужчина, хоть женщина) незначай употребит низкое слово, это всегда плохо. Удивительное дело, но иногда одно лишь слово может выдать человека с головой. Станет ясно, какого он воспитания и круга. Поверьте, я не считаю мою речь особенно изысканной. Разве я всегда могу решить, что хорошо, что худо? Оставляю это на суд других, а сама доверюсь только моему внутреннему чувству.

Если человек хорошо знает, что данное словечко ошибочно или вульгарно, и все же сознательно вставит его в разговор, то в этом нет еще ничего страшного. А вот когда он сам на свой лад, без всякого зазрения совести, коверкает слова и искажает их смысл – это отвратительно!

Неприятно также, когда почтенный старец или сановный господин (от кого, казалось бы, никак нельзя этого ожидать) вдруг по какой-то прихоти начинает отпускать слова самого дурного деревенского пошиба. Когда придворные дамы зрелых лет употребляют неверные или пошлые слова, то молодые дамы, вполне естественно, слушают их с чувством неловкости. Дурная привычка произвольно выбрасывать слова, нуж-

ные для связи. Например: «запаздывая приездом, известите меня»... Это плохо в разговоре и еще хуже в письмах.

Нечего и говорить о том, как оскорбляет глаза роман, переписанный небрежно, с ошибками... Становится жаль его автора.

Иные люди произносят «экипаж» как «екипаж». И, пожалуй, все теперь говорят «будующий» вместо «будущий».

ВЕТЕР

Внезапный вихрь. Мягкий, дышащий влагой ветер, что во время третьей луны тихо веет в вечерних сумерках.

ВЕТЕР ВОСЬМОЙ И ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ...

Ветер восьмой и девятой луны, налетающий вместе с дождем, тревожит печалью сердце. Струи дождя хлещут вкось. Я люблю смотреть, как люди накидывают поверх тонких одежд из шелка-сырца подбитые ватой ночные одежды, еще хранящие с самого лета слабый запах пота.

В эту пору года даже легкий шелк кажется жарким и душным, хочется сбросить его. Невольно удивляешься, когда же это набежала такая прохлада? На рассвете поднимешь створку ситыми и откроешь боковую дверь, порывистый ветер обдает колючим холодком, чудесное ощущение!

В КОНЦЕ ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ И В НАЧАЛЕ ДЕСЯТОЙ...

В конце девятой луны и в начале десятой небо затянуто тучами, желтые листья с шуршаньем и шорохом сыплются на землю, душа стеснена печалью. Быстрее всех облетают листья вяза и вишни – сакуры. Как хорошо во время десятой луны сад, где растут густые кусты деревьев!

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ТОГО, КАК БУШЕВАЛ ОСЕННИЙ ВИХРЬ...

На другой день после того, как бушевал осенний вихрь, «прочесывающий травы на полях», повсюду видишь грустные картины. В саду повалены в беспорядке решетчатые и плетеные ограды. А что сделалось с посаженной там рощицей! Сердцу больно.

Упали большие деревья, поломаны и разбросаны ветки, но самая горестная неожиданность: они примяли под собой цветы хаги и оминаэси. Когда под тихим дуновением ветра один листок за другим влетает в отверстия оконной решетки, трудно поверить, что этот самый ветер так яростно бушевал вчера. Помню, наутро после бури я видела одну даму... Должно быть, ей всю ночь не давал покоя шум вихря, она долго томилась без сна на своем ложе и наконец, покинув спальню, появилась у самого выхода на веранду. Дама казалась настоящей красавицей... На ней была нижняя одежда из густо-лилового шелка, матового, словно подернутого дымкой, а сверху другая – из парчи желто-багрового цвета осенних листьев, и еще одна из тончайшей прозрачной ткани.

Пряди ее длинных волос, волнуемые ветром, слегка подымались и вновь падали на плечи. Это было очаровательно!

С глубокой грустью глядя на картину опустошения, она произнесла один стих из старой песни: «О, этот горный ветер!»

Да, она умела глубоко чувствовать! Тем временем на веранду к ней вышла девушка лет семнадцати-восемнадцати, по виду еще не вполне взрослая, но уже не ребенок. Ее выцветшее синее платье из тонкого шелка во многих местах распустилось по швам и было влажно от дождя. Поверх него она накинула ночную одежду бледно-лилового цвета... Блестящие, заботливо причесанные волосы девушки были подрезаны на концах, словно ровные метелки полевого мисканта, и падали до самых пят, закрывая подол... Лишь кое-где алыми пятнами сквозили шаровары. Служанки, юные прислужницы собирали в саду растения, вырванные с корнем, и старались выпрямить и подвязать цветы, прибитые к земле. Было забавно смотреть из глубины покоев, как несколько придворных дам, млея от зависти, прильнуло к бамбуковым шторам. Как видно, им не терпелось присоединиться к женщинам, хлопотавшим в саду.

ХОРОШО ПОЕХАТЬ В ГОРНОЕ СЕЛЕНЬЕ...

Хорошо поехать в горное селенье в пору пятой луны! Вокруг, куда ни кинешь взор, все зелено: и луговые травы, и вода на рисовых полях. Густая трава на вид так безмятежна, словно ничего не таит в себе, но поезжай все прямо-прямо – и из самых ее глубин брызнет вода невыразимой чистоты. Она неглубока, но погонщик, бегущий впереди, поднимает тучи брызг... Справа и слева тянутся живые изгороди. Вдруг ветка дерева вбежит в окно экипажа, хочешь сорвать ее, поспешно схватишь, но увы! Она уже вырвалась из рук и осталась позади.

Иногда колесо экипажа подомнет, захватит и унесет с собой стебли чернобыльника. С каждым поворотом колеса чернобыльник взлетает вверх, и ты вдыхаешь его чудесный запах.

В НАЧАЛЕ ДВАДЦАТЫХ ЧИСЕЛ ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ...

В начале двадцатых чисел девятой луны я отправилась в храмы Хасэ, и мне случилось заночевать в каком-то убогом домике. Разбитая усталостью, я мгновенно уснула.

Очнулась я в середине ночи. Лунный свет лился сквозь окошко и бросал белые блики на ночные одежды спящих людей... Я была глубоко взволнована! В такие минуты поэты сочиняют стихи.

ОДНАЖДЫ ПО ДОРОГЕ В ХРАМ КИЕМИДЗУ...

Однажды по дороге в храм Киемидзу я находилась у самого подножия горы, на которую должна была подняться. Вдруг потянуло запахом хвороста, горящего в очаге... И душа моя наполнилась особой грустью поздней осени.

КАК ХОРОШ СНЕГ...

Как хорош снег на кровлях, покрытых корой кипариса. А еще он хорош, когда чуть-чуть подтаает или выпадет легкой порошей и останется только в щелях между черепицами, скрадывая углы черепиц, так что они кажутся круглыми.

Есть приятность в осеннем дожде и граде, если они стучат по дощатой крыше. Утренний иней – на темных досках крыши. И в саду!

СОЛНЦЕ

Солнце всего прекрасней на закате. Его гаснущий свет еще озаряет алым блеском зубцы гор, а по небу тянутся облака, чуть подцвеченные желтым сиянием. Какая грустная красота!

ЛУНА

Всего лучше предрассветный месяц, когда его тонкий серп выплывает из-за восточных гор, прекрасный и печальный.

ЗВЕЗДЫ

«Шестизвездие». Звезда Пастух. Вечерняя звезда. Падучие звезды, что навещают нас по ночам, – довольно любопытны. Но лучше бы у них не было такого длинного хвоста!

ОБЛАКА

Я люблю белые облака, и пурпурные, и черные... И дождевые тучи тоже, когда они летят по ветру.

Люблю смотреть, как на рассвете темные облака понемногу тают и становятся все светлее.

Кажется, в какой-то китайской поэме сказано о них: «Цвет, исчезающий на заре...»

До чего красиво, когда тонкое сквозистое облако проплывает мимо ослепительно сияющей луны!

ТЕ, КТО НАПУСКАЕТ НА СЕБЯ УЖ ОЧЕНЬ УМНЫЙ ВИД

Теперьешние младенцы лет трех от роду.

Женщины, что возносят молитвы богам о здравии и благополучии ребенка или помогают при родах.

Ведунья первым делом требует принести все, что нужно для молитвы. Кладет целую стопку бумаги и начинает кромсать ее тупым ножом. Кажется, так и одного листка не разрежешь, но этот нож у нее особый, и она орудует им изо всех сил, скривив рот на сторону.

Нарезав много зубчатых полосок бумаги, она прикрепляет их к бамбуковой палочке. Но вот торжественные приготовления закончены, и знахарка, сотрясаясь всем телом, бормочет заклинания... Вид у нее при этом многомудрый!

Потом она пускается в рассказы:

– Недавно в том-то дворце, в том-то знатном доме сильно захворал маленький господин... Совсем был плох, но призвали меня – и болезнь как рукой сняло. За это я получила много щедрых даров. А ведь каких только не призывали ведуний и заклинателей! И все без пользы. С той поры ни о ком другом и слышать не хотят, меня зовут. Я теперь у них в великой милости. При этом выражение лица у нее не из самых приятных.

А еще напускают на себя умный вид хозяйки в домах простолюдинов. И глупцы тоже. Они очень любят поучать тех, кто по-настоящему умен.

ТО, ЧТО ПРОЛЕТАЕТ МИМО

Корабль на всех парусах. Годы человеческой жизни.
Весна, лето, осень, зима.

ТО, ЧТО ЧЕЛОВЕК ОБЫЧНО НЕ ЗАМЕЧАЕТ

Дни зловещего предзнаменования. Как понемногу
стареет его мать.

ТО, ЧТО СТРАШИТ ДО УЖАСА

Раскат грома посреди ночи.

Вор, который забрался в соседний дом. Если грабитель проник в твой собственный дом, невольно потеряешь голову, так что уже не чувствуешь страха.

Пожар поблизости безмерно страшен.

ТО, ЧТО ВСЕЛЯЕТ УВЕРЕННОСТЬ

Молебствие о выздоровлении, которое служат несколько священников, когда тебе очень плохо.

Слова утешения в часы тревоги и печали, которые слышишь от человека, истинно тебя любящего.

САМОЕ ПЕЧАЛЬНОЕ НА СВЕТЕ...

Самое печальное на свете – это знать, что люди не любят тебя. Не найдешь безумца, который пожелал бы себе такую судьбу. А между тем согласно естественному ходу вещей и в придворной среде, и в родной семье одних любят, других не любят... Как это жестоко! О детях знатных родителей и говорить нечего, но даже ребенок самых простых людей привлечет все взгляды и покажется необыкновенным, если родители начнут восхвалять его сверх всякой меры. Что ж, когда ребенок в самом деле очень мил, это понятно. Как можно не любить его? Но если нет в нем ничего примечательного, то с болью думаешь: «Как слепа родительская любовь!» Мне кажется, что самая высшая радость в этом мире – это когда тебя любят и твои родители, и твои господа, и все окружающие люди.

МУЖЧИНЫ, ЧТО НИ ГОВОРИ, СТРАННЫЕ СУЩЕСТВА

Мужчины, что ни говори, странные существа. Приходи их необъяснимы. Вдруг один, к всеобщему удивлению, бросит красавицу жену ради дурнушки... Если молодой человек хорошо принят во дворце или родом из знатной семьи, он вполне может выбрать из множества девушек красивую жену себе по сердцу. Предположим, избранница недоступна, так высоко она стоит. Но все равно, если в его глазах – она совершенство, пусть любит ее, хотя бы пришлось ему умереть от любви.

Бывает и так. Мужчина никогда не видел девушки, но ему наговорили, что она – чудо красоты, и он готов горы своротить, лишь бы заполучить ее в жены. Но вот почему иной раз мужчина влюбляется в такую девушку, которая даже на взгляд других женщин уж очень дурна лицом? Не понимаю. Я помню, была одна дама, прекрасная собой, с добрым сердцем. Она писала изящным почерком, хорошо умела слагать стихи. Но когда эта дама решилась излить свое сердце в письме к одному мужчине, он ответил ей неискренним ходульным письмом, а навестить и не подумал. Она была так прелестна в своем горе, но мужчина остался равнодушным и пошел к другой. Даже посторонних брал гнев:

какая жестокость! Претил холодный расчет, который сквозил в его отказе...

Мужчина, однако, ничуть не сожалел о своем поступке.

СОСТРАДАНИЕ – ВОТ САМОЕ ДРАГОЦЕННОЕ СВОЙСТВО...

Сострадание – вот самое драгоценное свойство человеческой души. Это прежде всего относится к мужчинам, но верно и для женщин. Скажешь тому, у кого неприятности: «Сочувствую от души!» – или: «Разделяю ваше горе!» -тому, кого по-стигла утрата... Много ли значат эти слова? Они не идут из самой глубины сердца, но все же люди в беде рады их услышать. Лучше, впрочем, передать сочувствие через кого-нибудь, чем выразить непосредственно. Если сторонние свидетели расскажут человеку, пораженному горем, что вы жалели его, он тем сильнее будет тронут и ваши слова неизгладимо останутся в его памяти.

Разумеется, если вы придете с сочувствием к тому, кто вправе требовать его от вас, то особой благодарности он не почувствует, а примет вашу заботу как должное. Но человек для вас чужой, не ожидавший от вас сердечного участия, будет рад каждому вашему теплomu слову.

Казалось бы, небольшой труд – сказать несколько добрых слов, а как редко их услышишь!

Вообще, не часто встречаются люди, щедро наделенные талантами – и в придачу еще доброй душой.

Где они? А ведь их должно быть много...

ЕСЛИ КАКИЕ-НИБУДЬ ЧЕРТЫ В ЛИЦЕ ЧЕЛОВЕКА...

Если какие-нибудь черты в лице человека кажутся нам особенно прекрасными, то не устанешь любоваться им при каждой новой встрече. С картинами не так. Если часто на них глядеть, быстро примелькаются. Возле моего обычного места во дворце стоят ширмы, они чудесно расписаны, но я никогда на них не гляжу. Насколько более интересен человеческий облик! В любой некрасивой вещи можно подметить что-либо привлекательное... А в красивом – увы! – отталкивающее.

ТО, ЧТО РАДУЕТ

Кончишь первый том еще не читанного романа. Сил нет, как хочется достать продолжение, и вдруг увидишь следующий том.

Кто-то порвал и бросил письмо. Поднимешь куски, и они сложатся так, что можно прочитать связные строки.

Тебе приснился сон, значение которого показалось зловещим. В страхе и тревоге обратишься к толкователю снов и вдруг узнаешь, к великой твоей радости, что сновидение это ничего дурного не предвещает. Перед неким знатным человеком собралось целое общество придворных дам. Он ведет рассказ о делах минувших дней или о том, что случилось в наши времена, а сам поглядывает на меня, и я испытываю радостную гордость! Заболел человек, дорогой твоему сердцу. Тебя терзает тревога, даже когда он живет тут же, в столице. Что же ты почувствуешь, если он где-нибудь в дальнем краю? Вдруг приходит известие о его выздоровлении – огромная радость!

Люди хвалят того, кого ты любишь. Высокопоставленные лица находят его безупречным. Это так приятно!

Стихотворение, сочиненное по какому-нибудь пово-

ду – может быть, в ответ на поэтическое послание, – имеет большой успех, его переписывают на память. Положим, такого со мной еще не случилось, но я легко могу себе представить, до чего это приятно! Один человек – не слишком тебе близкий – прочел старинное стихотворение, которое ты слышишь в первый раз. Смысл не дошел до тебя, но потом кто-то другой объяснил его, к твоему удовольствию.

А затем ты вдруг найдешь те самые стихи в книге и обрадуешься им: «Да вот же они!»

Душу твою наполнит чувство благодарности к тому, кто впервые познакомил тебя с этим поэтическим творением.

Удалось достать стопку бумаги Митиноку или даже простой бумаги, но очень хорошей. Это всегда большое удовольствие.

Человек, в присутствии которого тебя берет смущение, попросил тебя сказать начальные или конечные строки стихотворения. Если удастся сразу вспомнить, это большое торжество. К несчастью, в таких случаях сразу вылетает из головы то, что, казалось бы, крепко сидело в памяти. Вдруг очень понадобилась какая-то вещь. Начнешь искать ее – и она сразу попалась под руку. Как не почувствовать себя на вершине радости, если выиграешь в состязании, все равно каком!

Я очень люблю одурачить того, кто надут спесью. Особенно, если это мужчина...

Иногда твой противник держит тебя в напряжении, все время ждешь: вот-вот чем-нибудь да отплатит. Это забавно! А порой он напускает на себя такой невозмутимый вид, словно обо всем забыл... И это тоже меня смешит. Я знаю, это большой грех, но не могу не радоваться, когда человек мне ненавистный попадет в скверное положение.

Готовясь к торжеству, пошлешь платье к мастеру, чтобы отбил шелк до глянца. Волнуешься, хорошо ли получится! И о радость! Великолепно блестит. Приятно тоже, когда хорошо отполируют шпильки – украшения для волос... Таких маленьких радостей много!

Долгие дни, долгие месяцы носишь на себе явные следы недуга и мучаешься им. Но вот болезнь отпустила – какое облегчение! Однако радость будет во сто крат больше, если выздоровел тот, кого любишь. Войдешь к императрице и видишь: перед ней столько придворных дам, что для меня места нет. Я сажусь в стороне, возле отдаленной колонны. Государыня замечает это и делает мне знак: «Сюда!»

Дамы дают мне дорогу, и я – о счастье! – могу приблизиться к государыне.

ОДНАЖДЫ, КОГДА ГОСУДАРЫНЯ БЕСЕДОВАЛА С ПРИДВОРНЫМИ ДАМАМИ...

Однажды, когда государыня беседовала с придворными дамами, я сказала по поводу некоторых ее слов:

– Наш бедственный мир мучителен, отвратителен, порою мне не хочется больше жить... Ах, убежать бы далеко, далеко! Но если в такие минуты попадется мне в руки белая красивая бумага, хорошая кисть, белые листы с красивым узором или бумага Митиноку, – вот я и утешилась Я уже согласна жить дальше. А не то расстелю зеленую соломенную циновку, плотно сплетенную, с широкой белой каймой, по которой разбросаны яркими пятнами черный узор... Залюбуюсь и подумаю: «Нет, что бы там ни было, а я не в силах отвергнуть этот мир. Жизнь слишком для меня драгоценна...»

– Немного же тебе надо! – засмеялась императрица. – Спрашивается, зачем было людям искать утешения, глядя на луну над горой Обасутэ? Придворные дамы тоже стали меня поддразнивать:

– Уж очень они короткие, ваши «молитвы об избавлении от всяческих бед». Некоторое время спустя случились печальные события, потрясшие меня до

глубины души, и я, покинув дворец, удалилась в свой родной дом. Вдруг посланная приносит мне от государыни двадцать свитков превосходной бумаги и высочайшее повеление, записанное со слов императрицы. «Немедленно возвратись! – приказывала государыня. – Посылаю тебе эту бумагу, но боюсь, она не лучшего качества и ты не сможешь написать на ней Сутру долголетия для избавления от бед».

О счастье! Значит, государыня хорошо помнит тот разговор, а я ведь о нем совсем забыла. Будь она простой смертной, я и то порадовалась бы. Судите же, как глубоко меня тронуло такое внимание со стороны самой императрицы! Взволнованная до глубины души, я не знала, как достойным образом поблагодарить государыню, но только послала ей следующее стихотворение: С неба свитки бумаги, Чтобы священные знаки чертить, В дар мне прислала богиня. Это знак, что подарен мне Век журавлиный в тысячу лет.

– И еще спроси государыню от моего имени, – сказала я, – «Не слишком ли много лет прошу я от судьбы?»

Я подарила посланной (она была простая служанка из кухонной челяди) узорное синее платье без подкладки. Сразу же потом я с увлечением принялась делать тетради из этой бумаги, и в хлопотах мне показалось, что все мои горести исчезли. Тяжесть спала с моего сердца.

Дня через два дворцовый слуга в красной одежде

посыльного принес мне циновку и заявил:

– Нате!

– А ты кто? – сердито спросила моя служанка. Невежество какое! Но слуга молча положил циновку и исчез.

– Спроси его, от кого он? – велела я служанке.

– Уже ушел, – ответила она и принесла мне циновку, великолепную, с узорной каймой. Такие постилают только для самых знатных персон. В душе я подумала, что это – подарок императрицы, но вполне уверенной быть не могла. Смущенная, я послала разыскивать слугу, принесшего циновку, но его и след простыл.

– Как странно! – толковала я с моими домашними, но что было делать, слуга не отыскался.

– Возможно, он отнес циновку не тому, кому следовало, и еще вернется, – сказала я.

Мне хотелось пойти во дворец императрицы и самой узнать, от нее ли подарок, но если бы я ошиблась, то попала бы в неловкое положение. Однако кто мог подарить мне циновку ни с того ни с сего? «Нет, разумеется, сама государыня прислала ее», – с радостью подумала я. Два дня я напрасно ждала вестей, и в душе у меня уже начали шевелиться сомнения.

Наконец, я послала сказать госпоже Уке: «Вот, мол, случилось то-то и то-то... Не видели ли вы такой циновки во дворце? Сообщите мне по секрету. Только никому ни слова, что я вас спрашивала».

"Государыня сохраняет все в большой тайне, – при-

слала мне ответ госпожа Уке.

– Смотрите же, не проговоритесь, что я выдала ее секрет". Значит, моя догадка была верна! Очень довольная, я написала письмо и велела своей служанке потихоньку положить его на балюстраду возле покоев императрицы. Увы, служанка сделала это так неловко, что письмо упало под лестницу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Спустился вечерний сумрак, и я уже ничего не различаю. К тому же кисть моя вконец изнасилась.

Добавлю только несколько строк. Эту книгу замет обо всем, что прошло перед моими глазами и волновало мое сердце, я написала в тишине и уединении моего дома, где, как я думала, никто ее никогда не увидит.

Кое-что в ней сказано уж слишком откровенно и может, к сожалению, причинить обиду людям. Опасаясь этого, я прятала мои записки, но против моего желания и введомы они попали в руки других людей и получили огласку. Вот как я начала писать их.

Однажды его светлость Корэтика, бывший тогда министром двора, принес императрице кипу тетрадей.

– Что мне делать с ними? – недоумевала государыня. – Для государя уже целиком скопировали «Исторические записки».

– А мне бы онигодились для моих сокровенных записок у изголовья, – сказала я.

– Хорошо, бери их себе, – милостиво согласилась императрица. Так я получила в дар целую гору превосходной бумаги. Казалось, ей конца не будет, и я писала на ней, пока не извела последний листок, о том, о сем, – словом, обо всем на свете, иногда даже о со-

вершенных пустяках. Но больше всего я повествую в моей книге о том любопытном и удивительном, чем богат наш мир. и о людях, которых считаю замечательными. Говорю я здесь и о стихах, веду рассказ о деревьях и травах, птицах и насекомых, свободно, как хочу, и пусть люди осуждают меня: «Это обмануло наши ожидания. Уж слишком мелко...»

Ведь я пишу для собственного удовольствия все, что безотчетно приходит мне в голову. Разве могут мои небрежные наброски выдержать сравнение с настоящими книгами, написанными по всем правилам искусства? И все же нашлись благосклонные читатели, которые говорили мне: «Это прекрасно!» Я была изумлена. А собственно говоря, чему здесь удивляться? Многие любят хвалить то, что другие находят плохим, и, наоборот, умаляют то, чем обычно восхищаются. Вот истинная подоплека лестных суждений! Только и могу сказать: жаль, что книга моя увидела свет. Тюдзе Ле-вой гвардии Цунэфуса, в бытность свою правителем провинции Исэ, навестил меня в моем доме.

Циновку, поставленную на краю веранды, придвинули гостю, не заметив, что на ней лежала рукопись моей книги. Я спохватилась и поспешила забрать циновку, но было уже поздно, он унес рукопись с собой и вернул лишь спустя долгое время. С той поры книга и пошла по рукам.